

Дайджест новостей правового регулирования БАНКРОТСТВА

Ответственный редактор - Юрий Сбитнев

Выпуск 34 (май - июнь 2021 г.)

Дайджест новостей правового регулирования банкротства

/май - июнь 2021 года/

Оглавление:

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА.....	3
II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА	5
1. Законы.....	5
2. Законопроекты	5
3. Громкие банкротства.....	6
III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА	7
1. Судебная практика Верховного суда РФ	7
<i>Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве.....</i>	<i>7</i>
<i>Возбуждение дела о банкротстве</i>	<i>11</i>
<i>Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве</i>	<i>13</i>
<i>Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве</i>	<i>15</i>
<i>Оспаривание сделок должника</i>	<i>23</i>
<i>Субсидиарная ответственность и убытки</i>	<i>40</i>
<i>Залог и поручительство в банкротстве</i>	<i>46</i>
<i>Банкротство гражданина.....</i>	<i>48</i>
<i>Прочие вопросы</i>	<i>51</i>
IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:	53
1. Книги.....	53
2. Статьи.....	53
3. Блоги	54
4. Заседания Банкротного клуба.	55

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Представляем Вашему вниманию 34-й выпуск Дайджеста новостей правового регулирования банкротства.

Период у Верховного Суда РФ выдался насыщенным: тридцать одно опубликованное определение, несколько из которых методично и последовательно разъясняют особенности толкования, оспаривания взаимосвязанных сделок, а также взыскания убытков за их совершение. Время от времени Верховный суд возвращается к этим вопросам, но в этот раз внимание фокусируется на конечном результате совершения таких сделок и конечном выгодоприобретателе. Не секрет, что в делах о банкротстве сталкиваются интересы различных противоборствующих групп: должника с кредиторами и кредиторов между собой. Так вот, задача суда и состоит в том, чтобы выяснить, в интересах какой группы лиц был совершен ряд запутанных и сложноструктурированных сделок, дабы не допустить смещения баланса и несправедливой защиты одной группы за счет другой.

При решении вопроса о течении срока давности на оспаривание сделок, судам подлежит оценивать действия заявителя на предмет не только разумности и добросовестности (при оценке на предмет оспаривания значительного количества совершенных сделок), но и расторопности (Определение ВС РФ от 02.06.2021 № 305-ЭС19-8220(4)). Звучит несколько необычно, даже можно сказать забавно. Интересно, насколько данный критерий получит распространение в судебной практике?

В определении от 23.06.2021 № 305-ЭС19-17221 (2) Верховный Суд РФ очередной раз детально разъяснил различия между зачетом и сальдированием при перерасчете итогового платежа, обобщив свою практику за последние три года, что очевидно должно способствовать формированию единообразного подхода у судов всех инстанций по такого рода вопросам.

Экстраординарное обжалование – еще одна тема, которой коснулась Экономическая коллегия Верховного Суда РФ. Фактически снова разъясняются положения пункта 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35 и правила оспаривания судебных актов лицами, ранее не привлеченными в дело. Особенно это актуально при оспаривании решения, на основании которого кредитор включается в реестр требований кредиторов в деле о банкротстве должника. Проблема не нова, еще в определении ВС РФ от 24.12.2015 № 304-ЭС15-12643, давались разъяснения по данному вопросу, так же как и в определении от 19.05.2020 N 305-ЭС18-5193(3), и тем не менее, очередное дело было снова рассмотрено судебной коллегией.

Так или иначе, но из многих определений следует достаточно глубокий анализ фактических обстоятельств и правоотношений, возникших между сторонами, ввиду чего внимательное изучение определений откроет для Вас интересные и по сути правильные подходы к решению аналогичных правовых задач.

С уважением,

Юрий Сбитнев,

адвокат, магистр частного права (РШЧП),

партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА

- Юридический институт «М-Логос», Вестник экономического правосудия РФ и Банкротный клуб объявили проведение первого конкурса научных статей по банкротному праву [Lex concursus](#). Приглашаем всех студентов, магистрантов, аспирантов, ученых и практикующих юристов, занимающихся проблемами банкротного права, представить свои статьи на конкурс. В жюри конкурса входят ведущие российские ученые и юристы-практики, специализирующиеся в банкротстве. Авторам статей, занявших три призовые места, присуждаются ценные денежные и иные призы. Победившие статьи будут опубликованы в Вестнике экономического правосудия, а их авторы смогут выступить на итоговой конференции конкурса и донести свои идеи до широкой аудитории юристов. Подробнее о конкурсе см. [здесь](#).

- На нашем сайте опубликовано расписание образовательных программ повышения квалификации Юридического института «М-Логос» [на второе полугодие 2021 г.](#) На фоне сохранения неопределенной эпидемиологической обстановки все программы этого периода будут продолжаться проводиться в онлайн-формате. Большинство программ в расписании посвящены проблематике частного права: договорное право, корпоративное право и структурирование сделок с акциями и долями в ООО, банкротство, право недвижимости, интеллектуальная собственность, МЧП и др.

- Приглашаем подписчиков Дайджеста принять участие в программах, которые Институт организует по вопросам банкротства:

[Вечерний онлайн-курс повышения квалификации «Практикум по эффективному ведению споров в сфере банкротства»](#) [22.11 - 17.12](#)

[Онлайн-программа повышения квалификации «Практикум по доказыванию и взысканию убытков при нарушении договора: правовые и практические аспекты»](#) [22.09 - 20.10](#)

- Напоминаю, что у нас в Институте в сентябре 2021 стартует и до июня 2022 пройдет годичный углубленный онлайн-курс [«ДОГОВОРНОЕ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО»](#). Осталось два месяца до финальной даты сдачи вступительного портфолио для поступления на этот курс.

Группа из не более 40 слушателей курса будет набираться по итогам конкурсного отбора портфолио участников приемной комиссией. При этом 20 мест предоставляются за счет средств Института на бесплатной основе для тех, кто занял наивысшие места при конкурсном отборе. Остальные места предполагают оплату обучения и распределяются среди тех, кто не попал на бесплатные места, в соответствии с набранным числом баллов по итогам оценки портфолио.

Это курс предназначен для:

- наиболее мотивированных и «голодных» до знаний студентов, обучающихся на магистерских программах,

- аспирантов и начинающих исследователей, готовящих научные работы по праву;

- преподавателей, желающих улучшить свои курсы по праву;

- тех практикующих юристов, кто желает приобрести углубленные знания в соответствующей области права, готов интенсивно учиться, не пропуская занятия и читать в большом объеме дополнительную литературу

Формат обучения — в отличие от обычных курсов повышения квалификации — предполагает максимальное вовлечение слушателей в процесс обучения, преимущественно семинарский формат занятий, обязательное предварительное изучение большого объема литературы, активное участие слушателей в обсуждении проблем, выполнение заданий и подготовку докладов, выступления на занятиях, разрешение модельных кейсов. Курс проходит в интерактивном формате и предполагает двустороннюю онлайн-видеосвязь преподавателя и слушателей.

Данная программа повышения квалификации посвящена углубленному разбору фундаментальных и прикладных вопросов общей части обязательственного и договорного права. В программу курса входят все самые важные вопросы общей части регулирования договоров и обязательств.

Продолжительность курса – 150 ак. часов. Занятия проходят в Зуме или на аналогичных платформах один раз в неделю в период с сентября 2021 по июнь 2022 года.

Преподаватели: *Артём Карпетов*, д.ю.н., директор Юридического института «М-Логос», главный редактор журнала «Вестник экономического правосудия РФ»; *Сергей Сарбаш*, д.ю.н., судья ВАС РФ в отставке, заслуженный юрист России; *Роман Бевзенко*, к.ю.н., партнёр юридической компании «Пепеляев Групп», профессор МВШСЭН; *Андрей Павлов*, к.ю.н., доцент кафедры гражданского права Юридического факультета СПбГУ; *Всеволод Байбак*, к.ю.н., доцент Высшей школы экономики, партнёр компании Tomashevskaya & partners

Желающие пройти обучение в рамках настоящей программы должны до 15 августа 2021 года включительно представить в Институт свое портфолио, направив его по адресу llm@m-logos.ru

- **21 июня 2021 года** Юридический институт «М-Логос» провел [ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЮ «CONDICIO IURIS-3» 2021: подведение итогов конкурса и выступления победителей](#). На конференции авторы статей, занявших первые три места на ежегодном конкурсе «Conditio iuris», представили доклады с основными тезисами своих статей, а также состоялось обсуждение этих тезисов. Запись можно посмотреть в свободном доступе на нашем сайте [здесь](#), а также на нашем канале на YouTube [здесь](#).

- **28 апреля 2021 года** Юридический институт «М-Логос» провел [научный онлайн круглый стол «ИСТРЕБОВАНИЕ НЕПРАВОМЕРНЫХ ДОХОДОВ: правовая природа и основания для применения»](#) Начало в 17.00. В круглом столе участвуют Д.В. Новак, В.С. Гербутов, А.А. Ягельницкий, А.С. Акужинов, А.Г. Карпетов. Запись можно посмотреть в свободном доступе на нашем сайте [здесь](#), а также на нашем канале на YouTube [здесь](#).

- **2 апреля 2021 года** Юридический институт «М-Логос» провел [онлайн-презентацию книги под редакцией Анны Сорокиной и Дмитрия Грица «НАВЫКИ СОВРЕМЕННОГО ЮРИСТА: soft skills, повышающие эффективность и качество жизни»](#). В дискуссии приняли участие Анна Сорокина, Дмитрий Гриц, Рафаэль Зохранян, Юлий Тай, Василий Ралько, Артём Карпетов и др.. Запись можно посмотреть в свободном доступе на нашем сайте [здесь](#), а также на нашем канале на YouTube [здесь](#).

- **29 марта 2021 года** Юридический институт «М-Логос» провел [научный онлайн круглый стол «ОГРАНИЧЕННЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА: в поисках места под солнцем»](#). В дискуссии приняли участие Д.В. Дождев, А.А. Иванов, А.Д. Рудоквас, А.О. Рыбалов и А.Г. Карпетов. Запись можно посмотреть в свободном доступе на нашем сайте [здесь](#), а также на нашем канале на YouTube [здесь](#).

- На нашем сайте размещен и постоянно обновляется архив записей отдельных авторских онлайн-лекций преподавателей Института, которые мы проводили в бесплатном формате ранее. Записи размещены в свободном доступе на [сайте Института](#) и доступны для просмотра в личном кабинете. Архив пополняется по мере проведения таких онлайн-лекций.

В марте – июне 2021 года мы провели несколько таких открытых авторских онлайн-лекций, и их записи выложены в открытый доступ:

Даниил Савченко - [«Наиболее распространенные основания для привлечения арбитражных управляющих к ответственности по статье 14.13 КоАП РФ»](#) (дата записи – 24.06.2021)

Виталий Дианов - [«Процедура рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства»](#) (дата записи – 27.05.2021)

Евгений Глухов – [«Ограничение ответственности продавца акций \(долей участия в уставном капитале\) хозяйственных обществ в инвестиционных сделках»](#) (дата записи – 18.05.2021)

Сергей Савсериса – [«Уклонение от налогообложения: виды, способы борьбы, письмо ФНС «О практике применения статьи 54.1 НК РФ»](#) (дата записи – 27.04.2021)

Николай Покрышкин – [«Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности»](#) (дата записи – 22.04.2021)

Анна Архипова – [«Три кита морского права: абандон, общая авария, загрязнение моря нефтью»](#) (дата записи – 15.04.2021)

Татьяна Краснова - «[Установление сервитута в отношении земельного участка](#)» (дата записи - 31.03.2021)

Тахмина Арабова - «[Возмещение судебных расходов](#)» (дата записи - 23.03.2021)

Марина Жижина - «[Возможности использования и оспаривания заключения эксперта](#)» (дата записи 03.03.2021)

- На сайте Института опубликованы следующие тематические дайджесты правовых новостей:
[Дайджест новостей российского и зарубежного частного права за март, апрель, май 2021 года](#)
[Дайджест новостей процессуального права за март, апрель, май 2021 года](#)
[Дайджест новостей антимонопольного права за январь-февраль 2021 года](#)
[Дайджест новостей права интеллектуальной собственности весна 2021 года](#)
[Дайджест новостей налогового права за январь – март 2021 года](#)
[Дайджест новостей торгового и потребительского права за апрель - июнь 2021 года](#)

II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА

1. Законы

[Федеральный закон от 11.06.2021 N 170-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О государственном контроле \(надзоре\) и муниципальном контроле в Российской Федерации" \(статья 56\), вступил в силу, за исключением отдельных положений, с 01.07.2021 г.](#)

2. Законопроекты

[Законопроект № 1162228-7 "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)" в части обеспечения возможности использования процедуры внесудебного банкротства гражданами, чей доход не превышает величину прожиточного минимума"](#)

Дата внесения в ГД: 29.04.2021 г.

Инициатор: Депутаты Государственной Думы Н.В.Костенко, О.В.Савастьянова, И.И.Демченко

Комитет: Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям

Статус: 15.06.2021 г. назначен ответственный комитет (Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям); законопроект включен в примерную программу (осенняя сессия; 2021; октябрь).

Из пояснительной записки к законопроекту:

Принятие законопроекта, позволит обеспечить доступ к процедуре внесудебного банкротства гражданам, чей доход равен или меньше прожиточного минимума (в том числе малоимущим гражданам и пенсионерам), которые не в состоянии (в силу отсутствия средств) проходить процедуру банкротства в судебном порядке. Прохождение процедуры внесудебного банкротства указанной категорией граждан, в последующем обеспечит доступ этих граждан к имеющимся у них (до момента взыскания кредиторами) минимальным средствам для существования в размере прожиточного минимума.

[Законопроект № 1172553-7 "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" \(в части реформирования института банкротства\)](#)

Дата внесения в ГД: 17.05.2021 г.

Инициатор: Правительство Российской Федерации

Комитет: Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям

Статус: 24.05.2021 г. назначен ответственный комитет (Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям); законопроект включен в примерную

программу (осенняя сессия; 2021; октябрь); назначен комитет-соисполнитель (Комитет Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов). 31.05.2021 г. назначен комитет-соисполнитель (Комитет Государственной Думы по финансовому рынку).

Из пояснительной записки к законопроекту:

1. Законопроект направлен на комплексное реформирование института несостоятельности (банкротства), в том числе на расширение практики применения реабилитационных механизмов в отношении юридических лиц, и предусматривает введение новой вариативной реабилитационной процедуры - реструктуризации долгов. Предлагается отказаться от таких процедур банкротства, как наблюдение, финансовое оздоровление и внешнее управление, ограничившись применением одной реабилитационной и одной ликвидационной процедуры банкротства. Предусматривается возможность подачи должником или кредитором в арбитражный суд не только заявления о признании должника банкротом, как это предусмотрено действующим законом, но и заявления о введении процедуры реструктуризации долгов.

2. Одновременно изменяются порядок отбора саморегулируемых организаций арбитражных управляющих и (или) арбитражных управляющих для проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве, и предъявляемые к ним требования с учетом разделения должников и саморегулируемых организаций на группы.

Законопроектом предусматривается создание государственного регистра арбитражных управляющих, целью ведения которого является государственная регистрация арбитражных управляющих и осуществление процедуры выбора саморегулируемых организаций арбитражных управляющих и (или) арбитражных управляющих при их назначении на основании балльной оценки.

3. Для повышения эффективности реализации имущества должника, а также доступности и прозрачности проведения торгов предусматривается создание государственной информационной системы раскрытия информации о формировании и реализации конкурсной массы в сфере банкротства, основными функциями и принципами работы которой являются в том числе: формирование электронной базы данных об имуществе должника, открытость и общедоступность информации о формировании конкурсной массы; возможность поиска, обработки и выгрузки информации в электронном виде по заданным параметрам; осуществление взаимодействия потенциальных покупателей имущества должника с арбитражным управляющим и организатором торгов.

4. Законопроектом предусматривается наделение федерального органа исполнительной власти полномочиями на проведение проверки наличия признаков преднамеренного и фиктивного банкротства в отношении должников (кроме финансовых организаций), в частности проведение проверок в отношении стратегических предприятий и организаций, государственных и муниципальных унитарных предприятий, акционерных обществ, более 25% голосующих акций которых находятся в государственной или муниципальной собственности, а также должников, имеющих на момент возбуждения дела о банкротстве задолженность по обязательным платежам свыше 100 млн. рублей.

Также предусматривается проведение проверок обоснованности заключений арбитражных управляющих о наличии или отсутствии признаков преднамеренного и фиктивного банкротства.

3. Громкие банкротства

Транспорт

[Авиакомпанию банкротят из-за крупной задолженности по лизингу](#)
[ФНС банкротит управляющую компанию аэропорта «Жуковский»](#)

Банки

[«Югра» подала иск на 210 млрд рублей](#)
[«Траст» обанкротил связанную с Хотиным компанию](#)
[Бойко-Великого просят привлечь к «субсидiarке» на 1,3 млрд рублей](#)
[ЦБ просит признать банкротом «Геобанк»](#)
[АСГМ признал несостоятельным Нефтепромбанк](#)

Промышленность

[Гонконгская фирма пытается отменить конкурсное производство в «Томете»](#)
[Кредиторы «Севкабеля» просят привлечь его руководство к «субсидiarке»](#)

Торговля

[Экс-главу «Яшмы» привлекли к «субсидиарке» на 35 млрд рублей](#)

Физические лица

[Совладелец «Тольяттиазота» Сергей Махлай может быть объявлен банкротом](#)

III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА

1. Судебная практика Верховного суда РФ

Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве

[Определение ВС РФ от 11.05.2021 № 304-ЭС20-21565](#)

Процессуальный срок, исчисляемый днями, истекает в последний день установленного срока. Срок на обжалование судебного акта начинает течь со дня, следующего за днем изготовления судебного акта в полном объеме. При этом если на штемпеле и в квитанции об отправке жалобы на судебный акт указаны разные даты, то датой подачи апелляционной (кассационной) жалобы следует считать более раннюю дату.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника с применением упрощенной процедуры ликвидируемого должника его конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными актов взаимозачета от 25.12.2017 и от 13.01.2018, и применении последствий недействительности сделок.

Судом апелляционной инстанции прекращено производство по апелляционной жалобе.

Прекращая производство по апелляционной жалобе, суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд округа, исходил из пропуска предпринимателем процессуального срока на апелляционное обжалование определения суда первой инстанции по настоящему спору и отсутствия оснований для его восстановления, указав на то, что обжалуемое определение изготовлено в полном объеме 15.10.2019, тогда как апелляционная жалоба предпринимателем подана посредством почтовой связи 30.10.2019 (согласно штемпелю на конверте).

Суд установил, что на конверте имеется номер почтового идентификатора и, исходя из сведений сайта Почта России, отправление с данным идентификатором сдано в почтовое отделение 29.10.2019, что соответствует дате в представленной предпринимателем почтовой квитанции. Вместе с тем суд счел, что срок на обжалование, исчисленный в рабочих днях, истек на 29.10.2019.

Между тем судами не учтено следующее.

В силу части 3 статьи 223 Кодекса определения, которые выносятся арбитражным судом при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) и обжалование которых предусмотрено данным Кодексом и иными федеральными законами, регулирующие вопросы несостоятельности (банкротства), отдельно от судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, могут быть обжалованы в арбитражный суд апелляционной инстанции в течение десяти дней со дня их вынесения.

Такой порядок обжалования распространяется, в частности, на определения о признании сделки должника недействительной и (или) применении последствий недействительности сделки; об отказе в удовлетворении заявления о признании сделки должника недействительной (абзац 17 пункта 35.1 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»).

По общим правилам, установленным статьей 113 Кодекса, процессуальные сроки исчисляются годами, месяцами и днями. В сроки, исчисляемые днями, не включаются нерабочие дни. Течение процессуального срока, исчисляемого годами, месяцами или днями, начинается на следующий день после календарной даты или дня наступления события, которыми определено начало процессуального срока. Процессуальный срок, исчисляемый днями, истекает в последний день установленного срока (часть 3 статьи 114 Кодекса).

Полный текст определения суда первой инстанции был изготовлен судом 15.10.2019, следовательно, течение процессуального срока для обжалования судебного акта в порядке апелляционного судопроизводства началось 16.10.2019. Учитывая, что днем истечения процессуального срока считается дата окончания периода, в течение которого должно быть совершено процессуальное действие, последний день срока подачи апелляционной жалобы приходился на 29.10.2019 (без учета выходных дней).

Таким образом, вывод суда апелляционной инстанции о том, что срок на обжалование определения суда первой инстанции от 15.10.2019, исчисленный в рабочих днях, истек на 29.10.2019, ошибочен.

Вынося обжалуемое определение, апелляционный суд не принял во внимание положения пункта 29 постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 99, согласно которым, если на штемпеле и в квитанции указаны разные даты, то датой подачи апелляционной (кассационной) жалобы следует считать более раннюю дату.

Как усматривается из материалов дела, в качестве доказательства, подтверждающего соблюдение срока на подачу апелляционной жалобы, предприниматель посредством электронной системы подачи документов «Мой Арбитр» представил почтовую квитанцию, в соответствии с которой датой фактической передачи отделению почтовой связи почтового отправления является 29.10.2019 (номер почтового идентификатора совпадает с идентификатором на конверте).

Прекращение производства по апелляционной жалобе в отсутствие законных оснований нарушает право предпринимателя на судебную защиту, неотъемлемым элементом которого является возможность обжалования судебного акта.

[Определение ВС РФ от 24.05.2021 № 302-ЭС21-523](#)

Перечень случаев, при которых обеспечительные меры могут быть отменены, законом не предусмотрен. Данный вопрос разрешается судом в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела, в частности, когда отпали обстоятельства, послужившие основанием для её принятия, либо появились новые обстоятельства, обосновывающие необходимость отмены меры обеспечения иска.

В случае, если спор, в рамках которого приняты меры, не разрешен по существу, послужившие основанием для принятия запрошенных обеспечительных мер обстоятельства не изменились, не отпали и сохраняют свою актуальность, такие меры не подлежат отмене при отсутствии приведенных испрашивающим их отмены лицом новых обстоятельств, обосновывающих необходимость отмены мер обеспечения иска, а также при сокрытии таким лицом информации о реальном положении дел.

В рамках дела о банкротстве должника его единственный участник общество «УСК МОСТ» обратилось в суд с ходатайством об отмене обеспечительных мер, ранее принятых определением от 16.04.2020.

Судами апелляционной инстанции и округа ходатайство об отмене обеспечительных мер удовлетворено в полном объеме.

31.10.2018 общество «Татэнергомонтаж» обратилось в суд с заявлением о привлечении контролирующих должника лиц – четырёх последовательно сменяющих друг друга руководителей должника и общества «УСК МОСТ» к субсидиарной ответственности по обязательствам должника.

15.04.2020 уполномоченный орган обратился в суд с заявлением о принятии обеспечительных мер в пределах суммы непогашенного реестра требований кредиторов по состоянию на 01.04.2020 в размере 1 081 967 458 рублей 93 копеек в отношении имущества, принадлежащего обществу «УСК МОСТ», в виде наложения ареста на имущество в пределах заявленной суммы, а также запрета регистрирующим органам совершать действия по регистрации перехода прав собственности в отношении объектов недвижимости и транспортных средств, принадлежащих обществу, до завершения рассмотрения заявления о привлечении к субсидиарной ответственности.

Определением от 16.04.2020, оставленным без изменения постановлениями от 20.07.2020 и от 05.11.2020, заявление уполномоченного органа удовлетворено частично.

В рамках настоящего спора 28.04.2020 общество «УСК МОСТ» обратилось с ходатайством об отмене обеспечительных мер, ссылаясь на то, что ранее принятые определением от 16.04.2020 и действующие до завершения рассмотрения заявления о привлечении его самого и иных контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника обеспечительные меры являются

необоснованными, чрезмерными, препятствуют полноценному осуществлению хозяйственной деятельности общества в отсутствие доказательств принятия им мер по выводу активов.

Защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность является основной задачей судопроизводства в арбитражных судах; реализация на практике данной задачи без фактического исполнения принятого по делу судебного акта невозможна (часть 1 статьи 2 АПК РФ; постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15.01.2002 № 1-П, от 14.05.2003 № 8-П, от 14.07.2005 № 8-П, от 12.07.2007 № 10-П, от 26.02.2010 № 4-П, от 14.05.2012 № 11-П, от 10.03.2016 № 7-П, от 23.07.2018 № 35-П).

Реализация упомянутой выше задачи особенно актуальна в обособленных спорах о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности, в которых ещё не принятый по существу судебный акт имеет заведомо низкую перспективу исполнения, а при определённых условиях и вовсе не приводит к фактическому восстановлению прав кредиторов должника, представляя собой лишь фикцию судебной защиты.

Одним из способов обеспечения защиты прав кредиторов в подобной ситуации, признаваемым правопорядком, является институт обеспечительных мер как ускоренного и предварительного средства защиты, своевременное и разумное применение данного института устраняет препятствия к исполнению судебного акта в будущем, тем самым повышая эффективность и достигая цели правосудия.

Баланс интересов сторон при этом достигается путём предоставления, с одной стороны, возможности оперативного разрешения вопроса о принятии обеспечения при необходимости подтверждения лишь разумных подозрений в обоснованности иска, а с другой – возможности замены одной обеспечительной меры на другую либо её отмены в короткий срок в целях соблюдения прав и законных интересов ответчика и третьих лиц (статьи 95 и 97 АПК РФ, пункт 22 постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер»).

Перечень случаев, при которых обеспечительные меры могут быть отменены, законом не предусмотрен. Данный вопрос разрешается судом в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела, в частности, когда отпали обстоятельства, послужившие основанием для её принятия, либо появились новые обстоятельства, обосновывающие необходимость отмены меры обеспечения иска.

В рассматриваемом случае обеспечительные меры были приняты для сохранения существующего положения, предотвращения необоснованного затягивания рассмотрения спора о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам последнего, пресечения неконтролируемого отчуждения соответствующих активов общества «УСК МОСТ».

Поскольку заявление о привлечении контролирующего должника лиц до сих пор рассматривается в суде первой инстанции (более двух лет), а сам обособленный спор не разрешён по существу, послужившие основанием для принятия обеспечительных мер обстоятельства не изменились, не отпали и сохраняют свою актуальность, что верно отмечено судом первой инстанции. Наличие новых обстоятельств, обосновывающих необходимость отмены мер обеспечения иска, за исключением контрактных обязательств по передаче муниципальному образованию внутривидовых сетей вместе с построенным обществом «УСК МОСТ» жилым домом, судом первой инстанции не установлено.

Первоначально рассматривая апелляционную жалобу общества «УСК МОСТ» и оставляя в силе определение от 16.04.2020 о принятии обеспечительных мер, коллегия апелляционного суда данные обстоятельства учитывала, признав обоснованным принятие обеспечительных мер.

В следующем судебном заседании, состоявшемся в тот же день (13.07.2020) между теми же участниками спора, апелляционная коллегия в том же составе суда пришла к противоположному выводу о необходимости отмены данных обеспечительных мер.

Вместе с тем доводы ответчика о наличии у него статуса крупного налогоплательщика, о строительстве значительного количества социально-значимых объектов, о стоимости активов, превышающих размер возможной субсидиарной ответственности, а также об отсутствии с его стороны предпринятых мер, направленных на уменьшение своего имущества в период действия обеспечительных мер, учитывая непродолжительность такого периода, в совокупности не свидетельствуют о наступлении (наличии) новых обстоятельств, обосновывающих отмену установленных обеспечительных мер.

Претерпевание определенных негативных последствий, связанных с наложением ареста на имущество, является обычным следствием принятия обеспечительных мер и само по себе не может рассматриваться как нарушение баланса интересов сторон спора.

В нарушение требований статьи 65 АПК РФ, в подтверждение своих доводов об угрозе досрочного востребования кредита со стороны банка, наличии риска невозврата ранее полученных кредитных средств, отказе в выдаче дополнительных кредитных средств, обществом «УСК МОСТ» не представлено в материалы дела документов, подтверждающих размер обязательств по кредитным договорам, сроки их возврата; не представлено документов, подтверждающих, что имущество общества «УСК МОСТ» обременено залогом по какому-либо кредитному договору. В такой ситуации, когда лицо, испрашивающее отмену обеспечительных мер, уклонилось от раскрытия полной информации о текущем положении дел, связанных с кредитованием, скрыв существенные обстоятельства своих взаимоотношений с банком, следует прийти к выводу о том, что апелляционная коллегия, полностью отменив обеспечительные меры, не только переоценила ранее установленные обстоятельства и имеющиеся в деле доказательства, но и не привела в своём судебном акте мотивы, по которым не согласилась с ранее сделанными ею же выводами, а также выводами суда первой инстанции.

[Определение ВС РФ от 23.06.2021 № 308-ЭС21-3561](#)

В случае, если на дату рассмотрения отчета конкурсного управляющего имеется нерассмотренное и приостановленное требование кредитора, у суда отсутствуют законные основания для завершения конкурсного производства в отношении должника. Поскольку рассмотрение по существу всех предъявленных требований является одним из условий, необходимых для завершения процедуры конкурсного производства, в том числе потому что признание обоснованными требований кредитора в деле о банкротстве позволяет не только претендовать на их удовлетворение при расчетах с кредиторами, но и реализовывать иные права, предусмотренные Законом о банкротстве: кредиторы, чьи требования включены в реестр, вправе обратиться с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, вправе обратиться взыскание на имущество должника, незаконно полученное третьими лицами.

При этом статус лица, участвующего в деле о банкротстве, и соответствующие права, необходимые для реализации права на заявление возражений (в том числе и право на обжалование судебного акта о завершении конкурсного производства), возникают у кредитора с момента принятия его требования к рассмотрению судом.

Решением от 26.08.2019 должник признан банкротом, в отношении него открыто конкурсное производство; конкурсным управляющим утвержден Шуман Р.В.

Определением от 24.07.2020 конкурсное производство в отношении должника завершено. Производство по апелляционной жалобе на определение прекращено. Постановлениями суда округа от 17.12.2020 и от 18.12.2020 соответственно определение суда первой инстанции и определение суда апелляционной инстанции оставлены без изменения, кассационные жалобы уполномоченного органа – без удовлетворения. Верховным Судом в завершении процедуры конкурсного производства отказано.

Определением от 22.04.2019 в отношении должника введена процедура наблюдения.

Определением от 20.06.2019 к рассмотрению принято заявление уполномоченного органа о включении в реестр требований кредиторов должника задолженности в сумме 116 229 671 руб., его рассмотрение назначено после введения в отношении должника процедуры, следующей за процедурой наблюдения.

Определением от 28.10.2019 по ходатайству конкурсного управляющего производство по заявлению уполномоченного органа приостановлено до вступления в законную силу судебного акта об оспаривании решения налогового органа о привлечении должника к ответственности за совершение налогового правонарушения.

Согласно статье 2 Закона о банкротстве основной задачей конкурсного производства является соразмерное удовлетворение требований кредиторов.

Данная процедура является стадией банкротства, в рамках проведения которой происходит формирование конкурсной массы, ее реализация и осуществление расчетов с кредиторами.

Завершение конкурсного производства, исходя из смысла статей 147 и 149 Закона о банкротстве, возможно только в случае совершения всех необходимых мероприятий, предусмотренных данной процедурой, в том числе по формированию конкурсной массы, реестра требований кредиторов и по проведению расчетов с кредиторами.

Таким образом, рассмотрение по существу всех предъявленных требований является одним из условий, необходимых для завершения процедуры конкурсного производства.

В данном случае требование уполномоченного органа к должнику, заявленное до завершения конкурсного производства, не было рассмотрено, при этом вынесение судом первой инстанции завершающего судебного акта препятствует рассмотрению данного требования, производство по которому так и осталось приостановленным.

Вместе с тем, признание обоснованными требований кредитора в деле о банкротстве позволяет не только претендовать на их удовлетворение при расчетах с кредиторами, но и реализовывать иные права, предусмотренные Законом о банкротстве.

В частности, в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 61.14 Закона о банкротстве конкурсные кредиторы, уполномоченный орган и работники должника (представитель работников должника) вправе обратиться с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц по основаниям, предусмотренным статьями 61.11-61.13 Закона о банкротстве, после включения соответствующих требований в реестр требований кредиторов должника, в том числе в порядке, предусмотренном пунктом 4 статьи 142 Закона о банкротстве; вправе обратиться с иском о взыскании на имущество должника, незаконно полученное третьими лицами (пункт 11 статьи 142 Закона о банкротстве).

Указанные права могут быть реализованы только в случае, если лицо имеет статус кредитора в деле о банкротстве должника.

В обоснование кассационной жалобы уполномоченный орган указал, что его требование к должнику основано на решении о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, которое содержит доказательства противоправного поведения контролирующих должника лиц. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии оснований для привлечения указанных лиц к субсидиарной ответственности.

Таким образом, завершение процедуры конкурсного производства в отношении должника безусловно создает препятствия для реализации уполномоченным органом своих прав.

Принимая во внимание, что на дату рассмотрения отчета конкурсного управляющего имелось нерассмотренное и приостановленное требование кредитора, у суда первой инстанции отсутствовали законные основания для завершения конкурсного производства в отношении должника.

Кроме того, судебная коллегия признает ошибочными выводы судов апелляционной инстанции и округа об отсутствии у уполномоченного органа права на обжалование определения суда первой инстанции о завершении процедуры конкурсного производства, поскольку согласно разъяснениям, содержащимся в абзаце четвертом пункта 30 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», статус лица, участвующего в деле о банкротстве, и соответствующие права, необходимые для реализации права на заявление возражений (в том числе и право на обжалование судебного акта о завершении конкурсного производства), возникают у кредитора с момента принятия его требования к рассмотрению судом.

Возбуждение дела о банкротстве

[Определение ВС РФ от 25.06.2021 № 303-ЭС21-5541](#)

Если судом будет установлено отсутствие оснований для возбуждения упрощенной процедуры банкротства отсутствующего должника, отказ в возбуждении дела о банкротстве будет неправомерным при наличии оснований, предусмотренных положениями статьей 3 Закона о банкротстве.

В таком случае суду следует поставить перед заявителем вопрос о возможности продолжения рассмотрения дела в общем порядке (введении процедуры наблюдения, возможности возложения расходов на заявителя по делу и т.д.).

В случае отказа заявителя от применения иной процедуры производство по делу подлежит прекращению.

Уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о признании общества банкротом по упрощенной процедуре отсутствующего должника и включении в реестр требований кредиторов требования в размере 320 669,62 руб.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления о признании общества банкротом по упрощенной процедуре отсутствующего должника отказано. Верховным Судом дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Уполномоченный орган обратился с заявлением о признании общества банкротом по упрощенной процедуре отсутствующего должника в соответствии со статьей 230 Закона о банкротстве.

В обоснование заявления уполномоченный орган указал на наличие непогашенной кредиторской задолженности в размере 320 669,62 руб., отсутствие движимого и недвижимого имущества, невозможность установления местонахождения должника, а также неосуществление должником предпринимательской деятельности.

Параграфом 2 главы XI Закона о банкротстве установлены особенности банкротства отсутствующего должника.

В соответствии с пунктом 1 статьи 227 Закона о банкротстве заявление о признании отсутствующего должника банкротом может быть подано конкурсным кредитором, уполномоченным органом независимо от размера кредиторской задолженности в случаях, если гражданин - должник или руководитель должника - юридического лица, фактически прекратившего свою деятельность, отсутствует или установить место их нахождения не представляется возможным.

Положения, предусмотренные параграфом 2 главы XI Закона о банкротстве, применяются также в случае, если имущество должника - юридического лица заведомо не позволяет покрыть судебные расходы в связи с делом о банкротстве или если в течение последних двенадцати месяцев до даты подачи заявления о признании должника банкротом не проводились операции по банковским счетам должника, а также при наличии иных признаков, свидетельствующих об отсутствии предпринимательской или иной деятельности должника (статья 230 Закона).

В процессе рассмотрения дела судом первой инстанции установлен факт получения почтовых уведомлений по адресу места жительства генерального директора должника, что исключало применение положений статьи 227 Закона о банкротстве, но не препятствовало проверке наличия (отсутствия) у общества признаков отсутствующего должника, предусмотренных статьей 230 этого Закона, на которые ссылался уполномоченный орган.

Для применения статьи 230 Закона о банкротстве достаточно одного из приведенных в ней оснований: - отсутствие имущества должника или денежных средств, необходимых для введения банкротства; - отсутствие операций по банковским счетам должника в течение последних двенадцати месяцев; - наличие иных признаков, свидетельствующих об отсутствии предпринимательской или иной деятельности должника.

В подтверждение доводов уполномоченный орган представил доказательства отсутствия должника по адресу регистрации и ведения операций по расчетному счету; промежуточную налоговую отчетность за 2019 год с нулевыми значениями; сведения из соответствующих органов в отношении движимого и недвижимого имущества; прекращенные исполнительные производства по основаниям пункта 3 части 1 статьи 46 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (невозможно установить местонахождение должника, его имущества либо получить сведения о наличии принадлежащих ему денежных средств и иных ценностей, находящихся на счетах, во вкладах или на хранении в банках или иных кредитных организациях).

Вместе с тем проверка доводов уполномоченного органа и правовая оценка представленных им доказательств имеет существенное значение для возможности введения упрощенной процедуры отсутствующего должника по основаниям статьи 230 Закона о банкротстве, учитывая, что должник не выполнил определение суда первой инстанции от 06.12.2019 по предоставлению доказательств, не являлся в судебные заседания ни одной из инстанций.

Какие-либо возражения должника, опровергающие доводы уполномоченного органа, в материалах дела отсутствуют.

Судебная коллегия считает необходимым отметить, что в соответствии со статьей 55 Закона о банкротстве решение арбитражного суда об отказе в признании должника банкротом принимается в случае отсутствия признаков банкротства, предусмотренных статьей 3 названного Закона, а также в иных предусмотренных Законом о банкротстве случаях.

В силу пункта 2 статьи 3 Закона о банкротстве юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по

уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены.

В заявлении о банкротстве уполномоченный орган сослался на наличие у общества задолженности по обязательным платежам в сумме 320 669,62 руб., образовавшейся ранее чем за три месяца до обращения в арбитражный суд с данным заявлением.

Условия, позволяющие сделать вывод об отсутствии у должника признаков банкротства, предусмотренных статьей 3 Закона о банкротстве, судом первой инстанции не установлены, иные предусмотренные Законом о банкротстве основания для принятия решения об отказе в признании должника банкротом не выявлены.

В связи с этим выводы суда о наличии оснований для принятия решения об отказе в признании должника банкротом следует признать преждевременными, основанными на неправильном применении норм Закона о банкротстве.

Если при рассмотрении вопроса о признании должника банкротом по упрощенной процедуре суд приходит к выводу об отсутствии признаков отсутствующего должника, то следует поставить перед заявителем вопрос о возможности продолжения рассмотрения дела в общем порядке (введении процедуры наблюдения, возможности возложения расходов на заявителя по делу и т.д.). В случае отказа заявителя от применения иной процедуры производство по делу подлежит прекращению.

Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве

[Определение ВС РФ от 24.05.2021 № 305-ЭС18-24484 \(12\)](#)

При возникновении потребности в использовании стороннего специалиста сверх установленного законом лимита расходов арбитражный управляющий обязан своевременно (до момента фактического привлечения) обратиться в арбитражный суд с соответствующим ходатайством, документально обосновав в данном ходатайстве невозможность выполнения имеющимися силами тех функций, для которых привлекается специалист, подтвердив наличие у привлекаемого лица требующейся квалификации, представив свидетельства направленности ходатайства на достижение целей процедуры банкротства и рыночного характера цены услуг специалиста.

При превышении лимита расходов необходимость привлечения организатора торгов не может подтверждаться лишь его ординарными информационными письмами, адресованными потенциальным участникам торгов, с общей информацией об их проведении, а также свидетельствами совершения организатором стандартного набора действий по опубликованию сообщений, предусмотренных законодательством, подведению итогов торгов и т.п.

Принятое собранием (комитетом) кредиторов решение о привлечении организатора торгов не возлагает на суд обязанность по автоматическому утверждению этого решения и не освобождает управляющего от необходимости доказывания обоснованности как самого факта привлечения организатора торгов, так и стоимости его услуг.

Конкурсный управляющий внешнеэкономического объединения обратился в суд с заявлением об установлении вознаграждения организатору торгов – обществу «Ру-Трейд» – в сумме 22 352 073 рублей 29 копеек.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено.

Решением от 31.03.2017 внешнеэкономическое объединение признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство.

В процедуре конкурсного производства конкурсный управляющий обратился в суд с первым заявлением об увеличении установленного Законом о банкротстве лимита расходов на оплату услуг, оказываемых привлеченными управляющим лицами (далее – лимит расходов). Вступившим в законную силу определением от 26.09.2018 в удовлетворении заявления конкурсного управляющего отказано.

Суд исходил из того, что в случае превышения установленного Законом о банкротстве лимита расходов обязанность доказывания обоснованности привлечения специалистов и цены их услуг лежит на арбитражном управляющем, обратившемся с соответствующим заявлением в суд. Арбитражный

управляющий должен обладать всеми необходимыми знаниями для организации процедуры продажи имущества. Необходимость привлечения иных лиц для осуществления этой деятельности, обусловленную спецификой настоящего дела о банкротстве, управляющий документально не подтвердил.

До рассмотрения судом вопроса об увеличении лимита управляющий поручил проведение торгов обществу «Ру-Трейд», заключив с ним договор от 30.07.2018, а 12.05.2020 подал в арбитражный суд второе заявление об установлении вознаграждения данному обществу в сумме 22 352 073 рублей 29 копеек.

Удовлетворяя второе заявление, суды исходили из того, что общество «РуТрейд» фактически оказало услуги организатора торгов.

В соответствии с пунктом 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве арбитражный управляющий при привлечении иных лиц для обеспечения исполнения возложенных на него в деле о банкротстве обязанностей должен действовать добросовестно и разумно, то есть привлекать их лишь тогда, когда это действительно необходимо, и предусматривать оплату услуг упомянутых лиц по обоснованной цене.

При превышении установленного Законом о банкротстве лимита расходов сторонние лица, привлекаемые арбитражным управляющим, могут быть использованы им исключительно после одобрения со стороны арбитражного суда на основании судебного определения. При этом в случае превышения лимита расходов на управляющего возлагается бремя доказывания обоснованности привлечения названных лиц и стоимости их услуг (абзац второй пункта 6 статьи 20.7 Закона о банкротстве).

Таким образом, при возникновении потребности в использовании стороннего специалиста сверх установленного законом лимита расходов арбитражный управляющий обязан своевременно (до момента фактического привлечения) обратиться в арбитражный суд с соответствующим ходатайством, документально обосновав в данном ходатайстве невозможность выполнения имеющимися силами тех функций, для которых привлекается специалист, подтвердив наличие у привлекаемого лица требуемой квалификации, представив свидетельства направленности ходатайства на достижение целей процедуры банкротства и рыночного характера цены услуг специалиста.

На обязательность доказывания управляющим упомянутых обстоятельств суды справедливо обратили внимание при рассмотрении первого ходатайства Лазаренко Л.Е. Однако при разрешении его второго ходатайства о даче разрешения на привлечение того же общества «Ру-Трейд» на тех же условиях, что и ранее, суды неправомерно освободили управляющего от необходимости документального подтверждения юридически значимых обстоятельств, проигнорировав ранее сделанные правильные выводы о распределении бремени доказывания и порядке привлечения специалистов при превышении лимитов.

С таким подходом судебная коллегия согласиться не может.

Приведенные конкурсным управляющим основания привлечения для организации и проведения торгов общества «Ру-Трейд» не были обусловлены экстраординарными, непредвиденными обстоятельствами и должны были быть известны управляющему заранее. Несмотря на это управляющий привлек указанную организацию (заключил с ней договор) до получения санкции со стороны суда, рассматривающего дело о банкротстве, что недопустимо. Более того, впоследствии получив отказ в удовлетворении первого ходатайства, управляющий не предпринял мер к расторжению договора, заключенного с обществом «Ру-Трейд» с нарушением положений пункта 6 статьи 20.7 Закона о банкротстве – в отсутствие судебного определения.

При втором обращении управляющий не пытался доказать, что привлечение организатора торгов было объективно необходимо и эти полномочия не могли быть реализованы самим управляющим при помощи лиц, находящихся в штате внешнеэкономического объединения, не пробовал обосновать рыночный характер цены услуг. Он не представил свидетельств изменения тех или иных обстоятельств после того, как ему было отказано в удовлетворении первого ходатайства.

Сочтя, что для успешной реализации принадлежащих внешнеэкономическому объединению долей участия и акций обществ «Ситиэнерго» и «ТПЕ-Сити» необходимы специальные познания в сфере энергетики, суды при разрешении второго ходатайства не сослались на какие-либо доказательства, указывающие, хотя бы косвенно, на наличие у сотрудников общества «Ру-Трейд» подобного рода познаний, опыта в сфере реализации долей участия, акций энергетических предприятий, деловой репутации и деловых связей на энергетическом рынке. Таких доказательств в материалах дела не имеется. Небольшой демонстрационный материал (на 9 листах), выполненный обществом «Ру-Трейд», об этом не свидетельствует.

Равным образом, при превышении лимита расходов необходимость привлечения организатора торгов не может подтверждаться лишь его обычными информационными письмами, адресованными

потенциальным участникам торгов, с общей информацией об их проведении, а также свидетельствами совершения организатором стандартного набора действий по опубликованию сообщений, предусмотренных законодательством, подведению итогов торгов и т.п.

Конкурсный управляющий Лазаренко Л.Е. не привел объяснений относительно того, почему он считает эффективной процедуру, в ходе которой с помощью подысканной им организации за 1,470 млрд. рублей были отчуждены доли участия и акции обществ «Ситиэнерго» и «ТПЕ-Сити», изначально оцененные в 7,102 млрд. рублей.

Приняв предложенную управляющим цену услуг общества «Ру-Трейд», выходящую за установленный законом лимит расходов, суды неправомерно возложили на компанию (кредитора) обязанность по первичному доказыванию ее нерыночности, тогда как в силу прямого указания пункта 6 статьи 20.7 Закона о банкротстве именно Лазаренко Л.Е. надлежало представить свидетельства соответствия данной цены обычным расценкам на аналогичные услуги. Управляющий экономическую обоснованность цены услуг общества «Ру-Трейд» не подтверждал, никаких доказательств по этому вопросу в дело не представлял.

В соответствии с частью 1 статьи 64 АПК РФ обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, устанавливаются судом на основании доказательств по делу. В нарушение приведенной нормы процессуального права суды при разрешении второго заявления управляющего воспроизвели его голословную позицию, не основанную на документах.

Доводы управляющего Лазаренко Л.Е. о наличии решения собрания (комитета) кредиторов о привлечении общества «Ру-Трейд» в качестве организатора торгов, судебной коллегией отклоняются. Принятое собранием (комитетом) кредиторов решение не возлагает на суд обязанность по автоматическому утверждению этого решения и не освобождает управляющего от необходимости доказывания обоснованности как самого факта привлечения организатора торгов, так и стоимости его услуг.

Поскольку соответствующие доказательства управляющий даже не пытался представить, его ходатайство не подлежало удовлетворению.

Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве

[Определение ВС РФ от 11.05.2021 № 305-ЭС18-293\(5\)](#)

Требование добросовестного гаранта считается заявленным в установленный Законом о банкротстве срок, если оно предъявлено в течение двух месяцев со дня возникновения права на регресс.

Ненадлежащее исполнение банком обязательства перед бенефициаром производит эффект только на обязательство между ними (бенефициар вправе привлечь банк к ответственности за несовершение платежа), и само по себе не свидетельствует о недобросовестности банка в регрессной обязательственной связи «гарант – принципал».

Гарантия повышает уровень защиты бенефициара, создавая для него большую вероятность реального удовлетворения требования, вытекающего из отношений между принципалом и бенефициаром. Принципал (кредиторы принципала) не могут ставить в вину гаранту просрочку платежа в адрес бенефициара, поскольку причиной предъявления бенефициаром требования к гаранту является неисправность самого принципала в обязательстве, связывающем его с бенефициаром.

В такой ситуации требование гаранта не подлежит понижению в очередности в случае, если оно было заявлено после истечения двухмесячного срока, предусмотренного абз. 3 п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве.

В рамках дела о несостоятельности должника (далее – должник, принципал) банк обратился с заявлением о включении в реестр задолженности в размере 1 827 718 829 руб. 14 коп.

Судами трех инстанций требования банка признаны подлежащими удовлетворению за счет имущества, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр.

В обоснование заявления банк указал на возникновение у него как у гаранта регрессного требования к должнику (принципалу) в связи с произведенной выплатой по банковской гарантии в пользу ПАО «ФСК ЕЭС» (далее – бенефициар).

Вступившим в законную силу решением от 31.10.2018 с банка в пользу бенефициара взысканы денежные средства во исполнение обязательств, предусмотренных банковскими гарантиями. На основании исполнительного листа 25.06.2019 с банка в пользу бенефициара произведено списание суммы задолженности в размере 2 138 568 436 руб. 97 коп.

Заявление банка о включении регрессного требования в реестр поступило в арбитражный суд 30.07.2019 (в пределах двух месяцев со дня платежа в пользу бенефициара).

В соответствии с пунктом 1 статьи 379 ГК РФ возмещение имущественной массы гаранта, уплатившего по банковской гарантии, осуществляется с использованием механизма регресса. При регрессе, в отличие от суброгации (пункт 1 статья 382 ГК РФ), возникает новое обязательство.

Регрессное требование банка к принципалу по формальным признакам возникло после уплаты денежной суммы бенефициару, то есть после возбуждения дела о банкротстве должника.

По общему правилу денежные обязательства, возникшие после дня принятия к производству заявления о признании должника банкротом, относятся к числу текущих. Требования кредиторов по таким обязательствам не подлежат включению в реестр требований кредиторов и удовлетворяются в приоритетном порядке (пункты 1 и 2 статьи 5, пункт 1 статьи 134 Закона о банкротстве).

Вместе с тем пунктом 7 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» дано ограничительное толкование положений пунктов 1 и 2 статьи 5 Закона о банкротстве в части регрессных обязательств по банковской гарантии: если банковской гарантией обеспечено исполнение обязательства, возникшего до дня возбуждения дела о банкротстве должника-принципала, и гарант уплатил бенефициару сумму, на которую выдана гарантия, после этого дня, требование гаранта к должнику-принципалу о возмещении указанной суммы не относится к текущим платежам и подлежит включению в реестр требований кредиторов.

Между тем, такое толкование может привести к появлению ситуации, при которой реестровое регрессное требование, основанием которого является платеж кредитору, возникнет после истечения предусмотренного абзацем третьим пункта 1 статьи 142 Закона о банкротстве двухмесячного срока на его предъявление к включению в реестр требований кредиторов принципала, что и имело место в рассматриваемом случае.

В подобной ситуации сложившаяся судебная арбитражная практика исходит из того, что положения абзаца третьего пункта 1 статьи 142 Закона о банкротстве в силу аналогии закона (пункт 1 статьи 6 ГК РФ) подлежат применению к добросовестному гаранту с учетом правил пункта 3 статьи 61.6 Закона о банкротстве: требование добросовестного гаранта считается заявленным в установленный Законом о банкротстве срок, если оно предъявлено в течение двух месяцев со дня возникновения права на регресс (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.09.2014 № 307-ЭС14-100).

В данном случае вопрос о добросовестности банка разрешен судами неправильно.

В силу принципа относительности обязательств (статья 308 ГК РФ), заявляя о недобросовестности гаранта, принципал (кредиторы принципала) не вправе ссылаться на возражения из чужой обязательственной связи («гарант (банк) – бенефициар»).

Ненадлежащее исполнение банком обязательства перед бенефициаром производит эффект только на это обязательство (бенефициар получает право на привлечение банка к гражданско-правовой ответственности за несовершение платежа по гарантии в отведенный срок (пункт 2 статьи 377 ГК РФ)) и само по себе не свидетельствует о недобросовестности банка в регрессной обязательственной связи «гарант – принципал».

Гарантия повышает уровень защиты бенефициара, создавая для него большую вероятность реального удовлетворения требования, вытекающего из отношений между принципалом и бенефициаром. Принципал (кредиторы принципала) не могут ставить в вину гаранту просрочку платежа в адрес бенефициара еще и потому, что причиной предъявления бенефициаром требования к гаранту является неисправность самого принципала в обязательстве, связывающем его с бенефициаром.

За нарушение срока платежа по гарантиям банк привлечен к гражданской ответственности: решением от 31.10.2018 с него в пользу бенефициара помимо денежных сумм, подлежащих выплате по гарантиям, дополнительно взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами. Свою ответственность в виде суммы процентов банк на принципала переложить не пытается.

Недобросовестность банка в обязательственной связи «гарант – принципал» судами не установлена.

При таких обстоятельствах вывод судов о понижении очередности удовлетворения требования банка является преждевременным.

При новом рассмотрении спора суду надлежит установить, соответствовали или нет действия банка по отношению к должнику принципу добросовестности.

[Определение ВС РФ от 03.06.2021 № 305-ЭС19-24128 \(5\)](#)

Требование добросовестного гаранта считается заявленным в установленный Законом о банкротстве срок, если оно предъявлено в течение двух месяцев со дня возникновения права на регресс.

Ненадлежащее исполнение банком обязательства перед бенефициаром производит эффект только на обязательство между ними (бенефициар вправе привлечь банк к ответственности за несовершение платежа), и само по себе не свидетельствует о недобросовестности банка в регрессной обязательственной связи «гарант – принципал».

Гарантия повышает уровень защиты бенефициара, создавая для него большую вероятность реального удовлетворения требования, вытекающего из отношений между принципалом и бенефициаром. Принципал (кредиторы принципала) не могут ставить в вину гаранту просрочку платежа в адрес бенефициара, поскольку причиной предъявления бенефициаром требования к гаранту является неисправность самого принципала в обязательстве, связывающем его с бенефициаром.

В такой ситуации требование гаранта не подлежит понижению в очередности в случае, если оно было заявлено после истечения двухмесячного срока, предусмотренного абз. 3 п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве должника банк обратился с заявлением о включении в реестр его требования в размере 388 787 137,45 руб.

Судами трех инстанций требование банка в размере 388 787 137,45 руб. признано обоснованным, подлежащим удовлетворению за счет имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр. Верховным Судом спор направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

30.03.2015 банком (гарантом) выдана банковская гарантия со сроком действия по 27.02.2018 в обеспечение обязательств должника (принципала) перед ПАО «ФСК ЕЭС» (бенефициаром).

Вступившими в силу актами с банка в пользу ПАО «ФСК ЕЭС» взыскана задолженность по банковской гарантии в размере 388 787 137,45 руб.

15.01.2020 банк исполнил обязательство перед ПАО «ФСК ЕЭС», выплатив соответствующую денежную сумму, после чего обратился к должнику с заявлением о включении выплаченной суммы в реестр.

В то же время решением суда первой инстанции по настоящему делу от 27.07.2018 должник признан банкротом, то есть на момент обращения банка с заявлением реестр требований кредиторов уже был закрыт.

В соответствии с пунктом 1 статьи 379 ГК РФ возмещение имущественной массы гаранта, уплатившего по банковской гарантии, осуществляется с использованием механизма регресса. При регрессе, в отличие от суброгации (пункт 1 статья 382 ГК РФ), возникает новое обязательство.

Регрессное требование банка к принципалу по формальным признакам возникло после уплаты денежной суммы бенефициару, то есть после возбуждения дела о банкротстве должника.

По общему правилу денежные обязательства, возникшие после дня принятия к производству заявления о признании должника банкротом, относятся к числу текущих. Требования кредиторов по таким обязательствам не подлежат включению в реестр требований кредиторов и удовлетворяются в приоритетном порядке (пункты 1 и 2 статьи 5, пункт 1 статьи 134 Закона о банкротстве).

Вместе с тем пунктом 7 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» дано ограничительное толкование положений пунктов 1 и 2 статьи 5 Закона о банкротстве в части регрессных обязательств по банковской гарантии: если банковской гарантией обеспечено исполнение обязательства, возникшего до дня возбуждения дела о банкротстве должника-принципала, и гарант уплатил бенефициару сумму, на которую выдана гарантия, после этого дня, требование гаранта к должнику-принципалу о возмещении указанной суммы не относится к текущим платежам и подлежит включению в реестр требований кредиторов.

Такое толкование может привести к появлению ситуации, при которой реестровое регрессное требование, основанием которого является платеж кредитору, возникнет после истечения предусмотренного абзацем третьим пункта 1 статьи 142 Закона о банкротстве двухмесячного срока на его предъявление к включению в реестр требований кредиторов принципала, что и имело место в рассматриваемом случае.

В подобной ситуации сложившаяся судебная арбитражная практика исходит из того, что положения абзаца третьего пункта 1 статьи 142 Закона о банкротстве в силу аналогии закона (пункт 1 статьи 6 ГК РФ) подлежат применению к добросовестному гаранту с учетом правил пункта 3 статьи 61.6 Закона о банкротстве: требование добросовестного гаранта считается заявленным в установленный Законом о банкротстве срок, если оно предъявлено в течение двух месяцев со дня возникновения права на регресс (определение ВС РФ от 24.09.2014 № 307-ЭС14-100).

В данном случае вопрос о добросовестности банка разрешен судами неправильно.

В силу принципа относительности обязательств (статья 308 ГК РФ), заявляя о недобросовестности гаранта, принципал (кредиторы принципала) не вправе ссылаться на возражения из чужой обязательственной связи («гарант (банк) – бенефициар»).

Ненадлежащее исполнение банком обязательства перед бенефициаром производит эффект только на это обязательство (бенефициар получает право на привлечение банка к гражданско-правовой ответственности за несовершение платежа по гарантии в отведенный срок (пункт 2 статьи 377 ГК РФ)) и само по себе не свидетельствует о недобросовестности банка в регрессной обязательственной связи «гарант – принципал».

Гарантия повышает уровень защиты бенефициара, создавая для него большую вероятность реального удовлетворения требования, вытекающего из отношений между принципалом и бенефициаром. Принципал и его кредиторы не могут ставить в вину гаранту просрочку платежа в адрес бенефициара еще и потому, что причиной предъявления бенефициаром требования к гаранту является неисправность самого принципала в обязательстве, связывающем его с бенефициаром.

Данный вывод соответствует правовым позициям, изложенным в определениях ВС РФ от 28.12.2020 № 305-ЭС20-15712 и от 11.05.2021 № 305-ЭС18-293 (5).

За нарушение срока платежа по гарантиям банк привлечен к гражданской ответственности: с него в пользу бенефициара помимо денежных сумм, подлежащих выплате по гарантиям, дополнительно взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами. Свою ответственность в виде суммы процентов банк на принципала переложить не пытается.

Недобросовестность банка в обязательственной связи «гарант – принципал» судами не установлена. При таких обстоятельствах вывод судов о понижении очередности удовлетворения требования банка является преждевременным.

[Определение ВС РФ от 10.06.2021 № 306-ЭС21-733](#)

В случае, если должник, впоследствии признанный банкротом, в отсутствие правовой неопределенности касательно личности кредитора создает видимость признания долга и исполнения обязательства путем внесения денежных средств на депозит нотариуса, а после определения личности надлежащего кредитора предпринимает меры по возврату данных денежных средств, последствия сформированной самим должником видимости исполнения обязательства следует возложить на него, обеспечив защиту правомерных ожиданий кредитора, возникших под влиянием должника и существовавших до тех пор, пока денежные средства находились на депозите, в случае, если у должника все это время не было какой-либо неопределенности относительно его правового положения.

В рассматриваемом случае необходимо признать, что применительно к абзацу второму статьи 203 ГК РФ течение срока исковой давности по заявлению требования надлежащего кредитора к должнику началось заново не с момента внесения денежных средств в депозит, а с момента, когда должник потребовал возврата денег из депозита и перестал считаться лицом, исполнившим обязательство; время, истекшее до этого, не засчитывается в новый срок.

В рамках дела о банкротстве общества банк в лице АСВ обратился в суд с заявлением о включении требования банка в реестр требований кредиторов общества.

Судами трех инстанций требование агентства признано необоснованным. Верховным Судом спор направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Банк (кредитор) и общество (заемщик) 30.07.2014 заключили кредитный договор.

Приказами Банка России от 16.11.2015 у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению банком.

На основании договора об отчуждении требования, заключенного 30.11.2015, банк (цедент) передал обществу с ограниченной ответственностью «Нефтьгаз – Развитие» (цессионарию) требование к обществу, основанное на кредитном договоре.

В дальнейшем по цепочке сделок названное требование перешло к обществу «Невада» (далее – компания). Впоследствии оно потребовало от заемщика погашения долга.

Решением от 29.03.2016 банк признан банкротом, в отношении него открыта процедура конкурсного производства, в ходе которой агентство как конкурсный управляющий инициировало обособленный спор о признании недействительными и применении последствий недействительности сделок, на основании которых требование к обществу, принадлежавшее банку, перешло к компании.

В связи с возникшей неопределенностью относительно того, кто является надлежащим кредитором, общество 16.03.2016, 27.04.2016 и 28.04.2016 с целью исполнения обязательств по возврату кредита и уплате процентов внесло в депозит нотариуса 71 903 722 рубля 21 копейку.

Апелляционным определением краевого суда от 14.02.2017 компании отказано во взыскании задолженности по кредитному договору с заемщика по причине недоказанности принадлежности истцу соответствующего требования.

Определением от 17.05.2018 (с учетом постановления арбитражного апелляционного суда от 04.09.2018) в рамках дела о банкротстве банка по заявлению агентства договоры, на основании которых требование перешло от банка к компании, признаны недействительными, применены последствия их недействительности в виде восстановления банка в правах кредитора по кредитному договору.

Общество 02.10.2018 обратилось к нотариусу с заявлением о возврате 71 903 722 рублей 21 копейки, ранее внесенных в депозит. Нотариус оставил это заявление без удовлетворения.

Отказ нотариуса заемщик оспорил в районном суде. Решением суда общей юрисдикции от 11.06.2019, вступившим в законную силу 15.08.2019, на нотариуса возложена обязанность возвратить обществу 71 903 722 рубля 21 копейку.

Определением от 12.01.2020 возбуждено дело о банкротстве общества – заемщика, определением от 19.02.2020 в отношении него введена процедура наблюдения.

В ходе указанной процедуры (27.03.2020) агентство обратилось в суд с заявлением о включении требования банка, основанного на кредитном договоре, в реестр требований кредиторов общества.

Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ находит правильным вывод арбитражных судов относительно того, что не имелось оснований для применения к возникшим отношениям пункта 1 статьи 204 ГК РФ в связи с подачей агентством в рамках дела о банкротстве банка иска о признании недействительными ряда сделок, на основании которых требование к обществу, вытекающие из кредитного договора, перешло от банка к иным лицам и в конечном итоге к компании. Данный иск обращен прежним кредитором против новых кредиторов и направлен на защиту права банка, нарушенного этими кредиторами путем изъятия из имущественной сферы кредитной организации актива (требования к заемщику), а не на защиту права, нарушенного самим заемщиком в связи с неисполнением им кредитных обязательств. Общество не является ни стороной сделок, на основании которых переходило требование, ни лицом, связанным с организациями, участвующими в передаче требования одним кредитором другому. Сами по себе факты заключения указанных сделок и их последующего оспаривания не могут влиять на содержание права независимого заемщика защититься от судебного взыскания долга по кредитному договору ссылкой на истечение срока исковой давности, за исключением ситуации, когда объективная невозможность предъявления банком иска о взыскании упомянутой задолженности возникла по обстоятельствам, за которые отвечает, в частности, заемщик. Однако общество не причастно к отношениям, связанным с лишением банка статуса кредитора. В силу принципа относительности обязательств (статья 308 ГК РФ) банк, заявляя о нетечении срока исковой давности по требованию к обществу о погашении кредитной задолженности, не вправе ссылаться на отношения, касающиеся чужой для заемщика обязательственной связи («цедент – цессионарий»). Агентство, считающее банк надлежащим кредитором, не было лишено возможности предъявить иск о взыскании с общества задолженности по кредитному договору, заявив ходатайство о приостановлении производства по делу о взыскании до разрешения судом другого дела – о признании недействительными оспариваемых сделок, на основании которых кредитная организация утратила требование к заемщику (пункт 1 части 1 статьи 143 АПК РФ).

При этом судами не учтено следующее.

Должник вправе внести причитающиеся с него деньги в депозит нотариуса, если обязательство не может быть исполнено вследствие очевидного отсутствия определенности по поводу того, кто является кредитором по обязательству, в частности в связи со спором по этому поводу между кредитором и другими лицами; внесение денежной суммы в депозит нотариуса считается исполнением обязательства (подпункт 3 пункта 1, пункт 2 статьи 327 ГК РФ).

В соответствии с абзацем первым статьи 203 ГК РФ течение срока исковой давности прерывается совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга. По смыслу приведенной нормы о признании долга могут свидетельствовать, в частности, любые действия должника гражданско-правового характера, имеющие внешнее проявление, совершая которые он осознает, что кредитор об этих действиях не может не узнать и разумно воспримет их как подтверждение имеющейся задолженности.

В рассматриваемом случае общество породило у кредитора такого рода разумные ожидания, внося причитающиеся деньги в депозит нотариуса, то есть признало долг по кредитному договору, создав видимость направленности его воли на предоставление исполнения в соответствии с правилами подпункта 3 пункта 1 статьи 327 ГК РФ. Впоследствии оно стало действовать вопреки этой видимости – потребовало у нотариуса возврата денег, сославшись на пункт 3 статьи 327 ГК РФ.

При таких обстоятельствах последствия сформированной самим обществом видимости исполнения следовало возложить на него, обеспечив защиту правомерных ожиданий кредитора, возникших под влиянием должника и существовавших до тех пор, пока денежные средства находились на депозите, при том, что у общества все это время не было какой-либо неопределенности относительно его правового положения, а именно: признать, что применительно к абзацу второму статьи 203 ГК РФ течение срока исковой давности началось заново не с момента внесения денежных средств в депозит, а с момента, когда должник потребовал возврата денег из депозита и перестал считаться лицом, исполнившим обязательство; время, истекшее до этого, не засчитывается в новый срок.

Иное толкование положений статьи 203 ГК РФ вступило бы в противоречие с сущностью института исковой давности, поскольку допускало бы течение нового срока давности по требованию кредитора в ситуации, когда обязательство перед ним в силу закона считалось исполненным и его права не были нарушены (статья 195 ГК РФ).

С учетом изложенного, трехлетний срок исковой давности, течение которого прервалось в марте – апреле 2016 года и началось заново не ранее октября 2018 года, не мог быть признан пропущенным банком, обратившимся в суд 27.03.2020, по мотивам, приведенным судами.

[Определение ВС РФ от 29.06.2021 № 305-ЭС20-14492 \(2\)](#)

1. На рынке кредитования сложилась устойчивая банковская практика, в соответствии с которой организации, входящие в одну группу, привлекаются банками в качестве поручителей по обязательствам друг друга. В этих случаях, предоставляя обеспечение, поручитель тем самым действует в общегрупповом интересе, способствуя повышению благосостояния группы в целом, в силу чего сама по себе невыгодность для отдельного поручителя обеспечительной сделки не указывает ни на ее недействительность, ни на неразумность или недобросовестность менеджмента. Вывод об обратном может быть сделан, если, например, деятельность заемщика и поручителя не связаны между собой; отсутствуют свидетельства о взаимном финансировании в период, предшествующий выдаче поручительства; выдача поручительства не обусловлена каким-либо экономическим интересом и т.д. При этом в случаях, когда поручительства выданы материнскими компаниями либо бенефициарами бизнеса, предполагается, что выгода была получена ими в результате кредитования должника по основному обязательству.

Кредитор имеет право осуществить свои права только в отношении одного из солидарных должников. Вместе с тем, в случае наличия у бенефициара не только статуса кредитора, но и приобретателя акций обществ, входящих в группу, на нем лежит обязанность действовать добросовестно по отношению как к этим обществам, так и их кредиторам. В то же время, в случае, если в результате действий кредитора-бенефициара фактически утрачивается возможность получить исполнение за счет с экономической точки зрения наиболее платежеспособных должников (иных заемщиков и поручителей, при выборочной реализации кредитором-бенефициаром своего права), к которым требования кредитором не предъявляются, следует считать, что эта обязанность бенефициаром не исполнена, и включение в реестр в полном объеме его требований нарушает права

и законные интересы кредиторов иных лиц, входивших в группу компаний, в связи с чем в силу положений пункта 2 статьи 10 ГК РФ в осуществлении соответствующего права кредитору должно быть отказано.

2. Положения Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц от 29.01.2020) не применяются в деле о банкротстве физических лиц, поскольку обязанность по публичному информированию третьих лиц об имущественном кризисе должника посредством подачи заявления о банкротстве может быть нарушена только в отношении организации ее контролируемыми лицами.

В рамках дела о банкротстве должника общество «Алмаз Капитал» обратилось с заявлением о включении в реестр своих требований в размере 2 583 882 945,90 руб.

Судом апелляционной инстанции и округа требования общества «Алмаз Капитал» включены в третью очередь реестра. Верховным Судом требование рассмотрено по существу, во включении его требований в реестр отказано.

Махов С.В. (должник) наряду с Чаком С.М. являлись бенефициарами группы компаний, в которую входили Гидрометаллургический завод, Южная энергетическая компания и Южная горно-химическая компания, а также общества «Сельхозхимпром» и «Интермикс Мет».

Начиная с 2011 года данная группа кредитовалась у Сбербанка. В числе прочего Махов С.В. как владелец бизнеса предоставлял поручительства по кредитам.

21.09.2018 права требования по кредитам и обеспечительным сделкам были уступлены Сбербанком (цедентом) в пользу своей дочерней компании – общества с ограниченной ответственностью «СБК Плюс» (цессионария).

После этого 30.11.2018 общество «СБК Плюс» (цедент) уступило права требования в пользу общества «Алмаз Капитал» (цессионария) за 1,4 млрд. руб.

По условиям договоров права требования переходят к цессионарию после оплаты 500 млн. руб. Суды установили, что оплата данной суммы состоялась, права требования перешли к цессионарию.

Поскольку заемщики не исполнили принятые на себя обязательства, общество «Алмаз Капитал» в настоящем деле о банкротстве обратилось с заявлением о включении своих требований в реестр требований кредиторов Махова С.В. как поручителя по кредитам.

Разрешая спор при новом рассмотрении дела, суд первой инстанции установил, что общество «Алмаз Капитал» (которое приобрело права требования у Сбербанка и его дочерней структуры) находится под контролем Авдоляна А.А. Помимо прав требований по кредиту Авдолян А.А. приобрел у Махова С.В. и Чака С.В. принадлежавшую им корпоративную группу, в частности, акции Гидрометаллургического завода и Южной энергетической компании.

Несмотря на то, что формальным покупателем акций завода является общество с ограниченной ответственностью «Энигма», а акций компании – Коробов А.В., суд установил, что Авдолян А.А. является фактическим бенефициаром данных сделок. Исходя из этого суд первой инстанции сделал вывод, что основные заемщики по кредиту (Гидрометаллургический завод и Южная энергетическая компания), с одной стороны, а также новый кредитор в обязательствах (общество «Алмаз Капитал»), с другой стороны, подконтрольны одному лицу – Авдоляну А.А.

Судом также отмечено, что общество «Алмаз Капитал» выборочно предъявляет требования к должникам, входящим в одну группу. Суд указал, что такое поведение для независимого добросовестного кредитора не является типичным. Так, в частности общество «Алмаз Капитал» не реализует перешедшие к нему права кредитора в отношении Южной энергетической компании несмотря на то, что она является одним из основных заемщиков с размером долга более 2,5 млрд. руб., который обеспечен заложенным имуществом компании.

Помимо этого судом первой инстанции установлено, что после приобретения акций Гидрометаллургического завода новым собственником реализована модель организации производственной деятельности предприятия путем смещения рисков части («центра убытков») на должника с отделением от него «центра прибыли», сосредоточенного на обществе с ограниченной ответственностью «Кашемир Капитал», которое также является аффилированным по отношению к Авдоляну А.А. Данная схема реализована на основании договора переработки давальческого сырья: Гидрометаллургический завод в рамках исполнения договора с обществом «Кашемир Капитал» производит минеральные удобрения, но

производственная деятельность не приносит должнику прибыли, денежные средства аккумулируются у общества «Кашемир Капитал», которое погашает требования отдельных кредиторов по текущим платежам, при этом общий размер текущей задолженности постоянно увеличивается.

В настоящее время на рынке кредитования сложилась устойчивая банковская практика, в соответствии с которой организации, входящие в одну группу, привлекаются банками в качестве поручителей по обязательствам друг друга (определение ВС РФ от 25.03.2021 № 310-ЭС20-18954).

В этих случаях, предоставляя обеспечение, поручитель тем самым действует в общегрупповом интересе, способствуя повышению благосостояния группы в целом, в силу чего сама по себе невыгодность для отдельного поручителя обеспечительной сделки не указывает ни на ее недействительность, ни на неразумность или недобросовестность менеджмента. Вывод об обратном может быть сделан, если, например, деятельность заемщика и поручителя не связаны между собой; отсутствуют свидетельства о взаимном финансировании в период, предшествующий выдаче поручительства; выдача поручительства не обусловлена каким-либо экономическим интересом и т.д. При этом в случаях, когда поручительства выданы материнскими компаниями либо бенефициарами бизнеса, предполагается, что выгода была получена ими в результате кредитования должника по основному обязательству.

Несмотря на свою акцессорную природу, поручительство является отдельным самостоятельным обязательством, в связи с чем в ситуации кредитования группы кредитор в силу положений статей 323 и 363 ГК РФ очевидно имеет право реализовать свое требование не только ко всем, но и к одному из солидарных должников, в том числе поручителей (пункт 13 постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве»).

Вместе с тем названное право, как и любое иное субъективное право, может быть осуществлено только при соблюдении обязанности кредитора действовать добросовестно (пункт 3 статьи 1, пункт 1 статьи 10 ГК РФ). В случае нарушения названной обязанности гражданское законодательство предусматривает возможность отказа в защите принадлежащего кредитору права (пункт 2 статьи 10 названного Кодекса).

Судом первой инстанции установлено, а судами апелляционной и кассационной инстанций не опровергнуто, что Махову С.В. и Чаку С.В. принадлежала группа компаний, в число которых входили Гидрометаллургический завод и Южная энергетическая компания. Данная группа имела долговую нагрузку, в первую очередь, кредиторскую задолженность перед Сбербанком.

В 2018 году Авдолян А.А. осуществил выкуп как мажоритарных пакетов акций названных юридических лиц, входящих в группу Махова С.В. и Чака С.В., так и принадлежавших Сбербанку прав требований к этой группе, получив возможность контролировать ее и как основной собственник акций, и как мажоритарный кредитор.

Соответственно у бенефициара группы как у нового собственника бизнеса возникли обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к принадлежащим ему организациям и их независимым кредиторам (пункт 3 статьи 53.1 ГК РФ), в связи с чем он не мог уже реализовывать требования, выкупленные у Сбербанка, как обычный сторонний кредитор, но должен был учитывать и свой новый статус контролирующего лица.

По смыслу статей 323, 325 и 363 ГК РФ частичное исполнение одним из солидарных должников своей обязанности соразмерно уменьшает требование кредитора к другим солидарным должникам. Соответственно, в случае если бы кредитор реализовывал свои права ко всем солидарным должникам, его требование в настоящем деле о банкротстве подлежало бы уменьшению на сумму, исполненного такими солидарными должниками.

Кредитор имеет право осуществить свои права только в отношении одного из солидарных должников. Вместе с тем, учитывая наличие у бенефициара не только статуса кредитора, но и приобретателя акций обществ, входящих в группу, на нем лежит обязанность действовать добросовестно по отношению как к этим обществам, так и их кредиторам. В то же время, поскольку в результате его действий фактически утрачивается возможность получить исполнение за счет Гидрометаллургического завода и Южной энергетической компании (с экономической точки зрения наиболее платежеспособных должников), следует считать, что эта обязанность бенефициаром не исполнена, и включение в реестр в полном объеме требований общества «Алмаз Капитал» нарушает права и законные интересы кредиторов иных лиц, входивших в группу компаний, в связи с чем в силу положений пункта 2 статьи 10 ГК РФ в осуществлении соответствующего права кредитору должно быть отказано.

Выводы же суда первой инстанции о том, что подобная недобросовестность кредитора является основанием для понижения очередности удовлетворения его требования, также являются ошибочными.

Настоящее дело о банкротстве возбуждено в отношении физического лица – Махова С.В. Основанием для применения разъяснений Обзора и субординации требований кредиторов является нарушение обязанности контролирующими организацию лицами по публичному информированию третьих лиц об имущественном кризисе должника посредством подачи заявления о банкротстве (пункт 1 статьи 9 Закона о банкротстве). Это позволяет отсрочить погашение долга, вводя третьих лиц в заблуждение относительно платежеспособности должника и создавая у них иллюзию его финансового благополучия, что исключает необходимость подачи заявлений о банкротстве. В такой ситуации контролирующее либо аффилированное лицо принимает на себя риск того, что должнику посредством использования компенсационного финансирования в конечном счете удастся преодолеть финансовые трудности и вернуться к нормальной деятельности (пункт 3.1 Обзора).

Из существа описанных отношений очевидно следует, что подобная обязанность может быть нарушена только в отношении организации ее контролирующими лицами, на которых эта обязанность и возложена. Следовательно, положения Обзора о понижении очередности удовлетворения требований не применяются в деле о банкротстве физических лиц. По этой причине ссылка судов на определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20.08.2020 № 305-ЭС20-8593 ошибочна.

Таким образом, судебная коллегия приходит к выводу о том, что предъявление обществом «Алмаз Капитал» своих требований в рамках настоящего обособленного спора и отсутствие возражений по этому поводу со стороны должника явно указывают на наличие между Авдоляном А.А. и Маховым С.В. неформальных недобросовестных договоренностей, согласно которым первый способствует освобождению последнего от кредиторской задолженности перед иными, независимыми кредиторами посредством установления в реестре крупного (мажоритарного) требования и блокирования иным кредиторам возможности реализовать их права в деле о банкротстве, а также существенного снижения процента удовлетворения требований иных кредиторов от суммы вырученных в результате продажи имущества должника средств. Такое поведение сторон не подлежит судебной защите.

Оспаривание сделок должника

[Определение ВС РФ от 11.05.2021 № 307-ЭС20-6073 \(6\)](#)

С учетом конкретных обстоятельств договор поставки может оформляться в целях прикрыть истинную волю на заключение договора простого товарищества. Оценивать на предмет наличия оснований для оспаривания по банкротным основаниям следует в таком случае прикрываемый договор. При выявлении притворности и наличии оснований для оспаривания прикрываемого договора необходимо применять последствия недействительности прикрываемого договора простого.

Если прикрываемая сделка была совершена в условиях неисполнения существовавших обязательств перед независимыми кредиторами экспедиторской компании, в том числе перед уполномоченным органом, чьи требования остаются непогашенными до настоящего времени, и при этом сделка направлена на явно непропорциональное распределение ожидаемой чистой прибыли (чистой прибыли, рассчитанной без учета возможного колебания курса валюты долга) между товарищами по сравнению с их вкладами в общее дело в пользу общества, заинтересованного по отношению к экспедиторской компании, эти обстоятельства достаточны для вывода о том, что у экспедиторской компании изначально на момент заключения договора имела цель причинения вреда своим кредиторам и такой вред был причинен в результате совершения названной сделки.

Определением от 01.06.2018 принято к производству заявление общества о признании экспедиторской компании несостоятельным (банкротом).

Определением от 16.07.2018 в отношении экспедиторской компании введена процедура наблюдения, требования общества в сумме 31 495 915 рублей 86 копеек основного долга и 62 992 рублей 12 копеек неустойки, основанные на неисполнении экспедиторской компанией обязательства по оплате товара, поставленного по договору поставки от 30.12.2015, заключенному обществом (продавцом) и экспедиторской компанией (покупателем), включены в реестр требований кредиторов последней с удовлетворением в третью очередь.

Решением суда первой инстанции от 19.02.2019 экспедиторская компания признана несостоятельной (банкротом), в отношении нее открыто конкурсное производство.

В процедуре конкурсного производства (02.07.2019) конкурсный управляющий экспедиторской компанией обратился в суд с заявлением, в котором просил признать недействительным упомянутый договор поставки от 30.12.2015, применить последствия его недействительности в виде взыскания с общества в пользу экспедиторской компании 492 264 527 рублей 1 копейки, а также взыскать с общества в пользу экспедиторской компании 22 983 843 рубля 18 копеек в возмещение убытков.

Судом округа заявление конкурсного управляющего удовлетворено частично: договор поставки признан недействительным, применены последствия его недействительности в виде взыскания с общества в пользу экспедиторской компании 492 264 527 рублей 1 копейки.

12.11.2015 экспедиторская компания (поставщик) заключила с холдингом (покупатель) договор поставки. В целях приобретения товара, подлежащего передаче холдингу, экспедиторская компания привлекала кредитные средства, заключив с Сбербанком договор от 09.02.2016 об открытии невозобновляемой кредитной линии с суммой лимита 620 000 000 рублей.

Товар, подлежащий продаже холдингу, экспедиторская компания приобрела у общества (поставщика), заключив с ним договор поставки от 30.12.2015, которое, в свою очередь, приобрело товар у технологической компании.

В соответствии с условиями кредитного договора Сбербанк перечислил экспедиторской компании 479 826 790 рублей 21 копейку, которые компания направила обществу в счет предварительной оплаты товара. Кроме этого, экспедиторская компания перечислила обществу 12 437 736 рублей 80 копеек из собственных средств. Таким образом, в общей сложности экспедиторская компания фактически перечислила обществу 492 264 527 рублей 1 копейку.

Как установили суды, согласно товарным накладным о передаче товара его стоимость составила: 479 515 660 рублей 17 копеек (по договору, на основании которого общество приобрело товар у технологической компании); 526 873 259 рублей 38 копеек (по договору, на основании которого общество перепродало товар экспедиторской компании); 519 744 899 рублей 43 копейки (по договору, на основании которого экспедиторская компания произвела отчуждение товара конечному покупателю (холдингу)).

При этом на экспедиторскую компанию легли расходы по обслуживанию кредита в сумме 21 269 937 рублей 58 копеек, а также расходы по доставке товара от технологической компании (первого продавца в цепочке сделок) до холдинга (конечного покупателя) в сумме 4 813 905 рублей 60 копеек (по расчету, составленному конкурсным управляющим экспедиторской компанией).

Общество являлось юридическим лицом, подконтрольным его мажоритарному участнику Прокопцову В.Е., а экспедиторская компания контролировалась Терентьевым А.В., обладающим мажоритарной долей участия в ее уставном капитале. При этом Прокопцов В.Е. и Терентьев А.В. выступили соучредителями и участниками ряда других хозяйственных обществ. В ходе рассмотрения дела по иску Прокопцова В.Е., общества и иной организации к Терентьеву А.В. и ряду юридических лиц установлено, что Прокопцов В.Е. и Терентьев А.В. более 15 лет были бизнес-партнерами, инвесторами и участниками хозяйственных обществ, осуществляющих различные виды экономической деятельности, включая операции в сфере недвижимости.

Фактические обстоятельства дела, установленные судами, свидетельствуют о том, что Прокопцов В.Е. и Терентьев А.В. с использованием общества и экспедиторской компании посредством заключения цепочки договоров поставки намеревались реализовывать очередной общий бизнеспроект, соединив возможности контролируемых ими юридических лиц и действуя совместно.

Существенными условиями такого договора простого товарищества являются совместные действия, направленные на достижение общей цели, и соединение участниками товарищества своих вкладов, которыми в силу пункта 1 статьи 1042 ГК РФ признается все то, что они вносят в общее дело, в том числе деньги, иное имущество, профессиональные и иные знания, навыки и умения, а также деловая репутация и деловые связи.

Констатировав наличие воли общества и экспедиторской компании, сформированной их контролирующими участниками, действовать совместно для извлечения прибыли от реализации проекта по поставке товара холдингу, договоренностей по поводу перераспределения между подконтрольными организациями этой прибыли, судам первой инстанции и округа следовало признать договор поставки от 30.12.2015 сделкой, прикрывающей собой отношения товарищей по договору о совместной деятельности, а следовательно, ничтожной сделкой на основании пункта 2 статьи 170 ГК РФ.

Согласно пункту 2 статьи 170 ГК РФ порядок признает совершенной лишь прикрываемую сделку, то есть ту сделку, которая действительно имелась в виду.

В рассматриваемом случае прикрываемая сделка (договор о совместной деятельности), заключенная в трехлетний период подозрительности, является недействительной на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

В пункте 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве закреплены презумпции, которые могут быть использованы при доказывании обстоятельств, необходимых для признания сделки недействительной, в том числе относительно наличия у должника признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества. Однако сама по себе недоказанность этих признаков (как одной из составляющих презумпции цели причинения вреда) не блокирует возможность квалификации сделки в качестве подозрительной. В частности, цель причинения вреда имущественным правам кредиторов может быть доказана и без использования презумпций, на общих основаниях (статьи 9 и 65 АПК РФ). Аналогичная правовая позиция изложена в определении ВС РФ от 12.03.2019 № 305-ЭС17-11710(4).

В силу абзаца тридцать второго статьи 2 Закона о банкротстве под вредом, причиненным имущественным правам кредиторов, понимается уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий, приведшие или могущие привести к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества.

Как установил суд первой инстанции, в реестр требований кредиторов экспедиторской компании включены требования кредиторов, обязательства перед которыми возникли до совершения оспариваемой сделки в сумме около 250 млн. рублей (акционерные общества «Мурманское морское пароходство» и «Нефтехимпроект»). Кроме того, как верно указал суд округа, в это время экспедиторская компания имела задолженность перед бюджетом в сумме, превышающей 540 млн. рублей (по основному долгу).

Согласно расчету самого общества, изложенному им в кассационной жалобе в ВС РФ, разность между ценой договора, по которому товар отчуждался холдингу, и ценой договора, по которому этот же товар приобретался у технологической компании, составила в валюте долга 1 128 569 долларов США и 70 центов. Из этой суммы общей наценки на товар (не уменьшенной на издержки, понесенные в связи с исполнением обязательств) 431 428 долларов США 65 центов отнесены к доле, приходящейся на экспедиторскую компанию, а оставшиеся 697 141 доллар США 5 центов – к доле, приходящейся на общество.

Таким образом, прикрываемая сделка была совершена в условиях неисполнения существовавших обязательств перед независимыми кредиторами экспедиторской компании, в том числе перед уполномоченным органом, чьи требования остаются непогашенными до настоящего времени. Она направлена на явно непропорциональное распределение ожидаемой чистой прибыли (чистой прибыли, рассчитанной без учета возможного колебания курса валюты долга) между товарищами по сравнению с их вкладами в общее дело в пользу общества, заинтересованного по отношению к экспедиторской компании. В совокупности эти обстоятельства достаточны для вывода о том, что у экспедиторской компании изначально (на момент заключения договора поставки от 30.12.2015) имелась цель причинения вреда своим кредиторам и такой вред был причинен в результате совершения названной сделки.

В части третьего обстоятельства, необходимого для признания прикрываемого договора недействительным – осведомленности общества о противоправной цели экспедиторской компании действует презумпция такой информированности, поскольку общество и экспедиторская компания были заинтересованными лицами. Данная презумпция не была опровергнута обществом.

С учетом изложенного, прикрываемый договор о совместной деятельности является недействительным на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Более того, согласно заключению эксперта, на которое сослался суд апелляционной инстанции, в результате фактического исполнения договора простого товарищества из-за колебания курса валюты и несовпадения валюты долга и валюты платежа общество фактически получило прибыль, а экспедиторская компания понесла убытки. Подобное распределение между товарищами риска изменения курса валюты противоречит смыслу положений абзаца второго статьи 1046, второго предложения статьи 1048 ГК РФ.

Суды первой инстанции и округа, применяя последствия недействительности договора, не учли наличие двух сделок – притворной и прикрываемой, ошибочно применив последствия недействительности к притворному, а не к прикрываемому договору, не учтя норму, закрепленную во втором предложении пункта 2 статьи 170 ГК РФ.

[Определение ВС РФ от 27.05.2021 № 310-ЭС21-1061](#)

Решение суда, обязывающее покупателя вернуть недвижимое имущество продавцу в связи с расторжением договора купли-продажи по причине невнесения покупателем оплаты, не может быть исполнено после признания покупателя банкротом даже в случае, если решение о расторжении и об обязанности вернуть имущество было вынесено до введения процедуры реализации имущества покупателя.

При этом в случае, если имущество по указанному решению фактически было возвращено продавцу, но регистрация обратного перехода права собственности не произошла на момент признания покупателя банкротом, недвижимость подлежит возврату в конкурсную массу признанного банкротом покупателя.

Заявление арбитражного управляющего покупателя о признании недействительной обратного перехода права собственности некорректно, так как до тех пор, пока в ЕГРН не отражена запись о переходе собственности обратно продавцу, собственником недвижимости остается покупатель. Такой иск по своему характеру, целевой направленности и условиям его предъявления, по сути, является иском об изъятии имущества из владения продавца и его фактическом возврате в конкурсную массу покупателя. На такое требование распространяется общий трехлетний срок исковой давности (ст. 196 ГК РФ).

В рамках дела о банкротстве Марковой Е.В. финансовый управляющий Селютин А.С. обратился в суд с заявлением о признании недействительными действий Марковой Е.В. и Шатохиной М.А. по исполнению решения районного суда от 16.03.2015, связанных с передачей имущества, указанного в акте о возврате имущества от 18.03.2015, и о применении последствий их недействительности в виде обязанности Шатохиной М.А. возвратить в конкурсную массу Марковой Е.В. данное имущество.

По результатам нового рассмотрения обособленного спора судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

Шатохина М.А. (продавец) и Маркова Е.В. (покупатель) 09.10.2013 заключили договор купли-продажи недвижимого имущества (5 нежилых зданий). Согласованная сторонами цена приобретаемого имущества составила 1 000 000 рублей. В тексте договора содержится указание на то, что расчет между сторонами произведен в день его подписания.

Право собственности Марковой Е.В. на приобретенные по договору купли-продажи объекты зарегистрировано 25.10.2013.

Впоследствии Шатохина М.А., ссылаясь на неисполнение Марковой Е.В. договорного обязательства по оплате указанного имущества, обратилась в суд общей юрисдикции иском о расторжении упомянутого договора. В судебном заседании Маркова Е.В. признала исковые требования. Решением районного суда от 16.03.2015, вступившим в законную силу 17.04.2015, исковые требования удовлетворены в связи с признанием иска, договор купли-продажи недвижимого имущества от 09.10.2013 расторгнут, на Маркову Е.В. возложена обязанность возвратить Шатохиной М.А. недвижимость.

Маркова Е.В. по акту о возврате имущества от 18.03.2015 передала недвижимое имущество Шатохиной Е.В.

Заявление ПАО «Курский промышленный банк» о признании Марковой Е.В. несостоятельной (банкротом) принято к производству 23.11.2015. Определением от 09.03.2016 в отношении нее введена процедура реструктуризации долгов. Решением от 29.07.2016 Маркова Е.В. признана несостоятельной (банкротом), введена процедура реализации ее имущества.

Финансовый управляющий имуществом Марковой Е.В. оспорил действия по исполнению решения суда общей юрисдикции, считая их нарушающими права других кредиторов.

В силу пунктов 1 и 2 статьи 8.1, пункта 1 статьи 131 ГК РФ право собственности на недвижимые вещи подлежит государственной регистрации и возникает, прекращается с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр.

Участвующие в деле лица не оспаривают, что после вынесения районным судом решения по делу о расторжении договора купли-продажи недвижимого имущества от 09.10.2013, обратный переход права собственности на недвижимость к Шатохиной М.А. не был зарегистрирован, собственником в государственном реестре по-прежнему значится Маркова Е.В.

В соответствии с пунктом 1 статьи 213.25 Закона о банкротстве все имущество гражданина, имеющееся на день принятия решения о признании его банкротом и выявленное или приобретенное после

этого дня, составляет конкурсную массу, за исключением имущества, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством.

Поскольку на момент открытия процедуры реализации имущества Марковой Е.В. решение районного суда, обязывающее ее передать право собственности на недвижимость Шатохиной М.А. в связи с расторжением договора купли-продажи, не было исполнено, указанная в этом судебном решении недвижимость на основании пункта 1 статьи 213.25 Закона о банкротстве вошла в конкурсную массу Марковой Е.В.

После признания Марковой Е.В. банкротом в отсутствие заявления финансового управляющего о регистрации обратного перехода права собственности на недвижимость к Шатохиной М.А. такая регистрация стала невозможной в силу абзацев второго и третьего пункта 5, абзаца второго пункта 7 статьи 213.25 Закона о банкротстве. При этом финансовый управляющий лишен возможности подать соответствующее заявление в регистрирующий орган, так как это повлечет за собой преимущественное удовлетворение требований Шатохиной М.А., а действия управляющего вступят в противоречие с положениями пункта 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве.

Следовательно, Шатохина М.А. утратила возможность вернуть право собственности на недвижимость в процедуре реализации имущества Марковой Е.В. Требование Шатохиной М.А. (кредитора по неденежному обязательству о возврате имущества в ее собственность), не являющееся текущим, трансформировалось в денежное. Оно подлежит денежной оценке, должно рассматриваться по правилам статьи 100 Закона о банкротстве и удовлетворяться наравне с требованиями иных кредиторов в общем порядке, предусмотренном статьей 213.27 названного Закона (по смыслу пункта 4 статьи 213.24, пункта 1 статьи 213.25 Закона о банкротстве и разъяснений, приведенных в абзаце втором пункта 34 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»).

Суды не учли, что в рамках дела о банкротстве Марковой Е.В. не может быть оспорен обратный переход права собственности к Шатохиной М.А., поскольку он не состоялся, решение суда общей юрисдикции в этой части остается неисполненным по настоящее время. Иск финансового управляющего Селютина А.С., заявленный в рассматриваемом обособленном споре, по своему характеру, целевой направленности и условиям его предъявления, по сути, является иском об изъятии имущества из владения Шатохиной М.А. – о фактическом возврате в конкурсную массу Марковой Е.В. имущества, собственником которого она значится, для его последующей реализации и проведения расчетов с кредиторами за счет вырученных от продажи средств.

На такое требование распространяется общий трехлетний срок исковой давности (статья 196 ГК РФ). Этот срок управляющим, обратившимся в суд 27.12.2017, в любом случае не пропущен, даже если его исчислять с наиболее раннего из возможных моментов (момента передачи недвижимости Шатохиной Е.В. по акту от 18.03.2015).

С учетом изложенного заявление финансового управляющего Селютина А.С. о фактическом возврате имущества, находящегося во владении Шатохиной Е.В., в конкурсную массу его собственника – Марковой Е.В. подлежало удовлетворению.

[Определение ВС РФ от 02.06.2021 № 305-ЭС19-8220\(4\)](#)

Для временной администрации финансовой организации срок исковой давности по оспариванию сделок по банкротным основаниям начинает течь не ранее дня потенциальной осведомленности временной администрации о своем нарушенном праве (то есть в данном случае об обстоятельствах сделки) и надлежащем ответчике, а не с момента ее назначения.

Для разрешения вопроса о том, был ли пропущен срок исковой давности при заявлении о признании сделки недействительной нельзя презюмировать полную осведомленность агентства по страхованию вкладов о спорной сделке, связав её с самим фактом наделения агентства полномочиями по финансовому анализу и доступу к информации должника. Такой подход явно неверен, поскольку, во-первых, количество совершенных сделок может быть достаточно значительным для незамедлительного и одновременного их анализа и реагирования; во-вторых, от временной администрации может скрываться как сам факт совершения сделок, так и существенные сведения о них, что требует дополнительного времени для отыскания достоверных и достаточных сведений из различных источников; в-третьих, при намерении сторон сделки скрыть её суть от третьих лиц знание о её формальном совершении не указывает однозначно на осведомленность

временной администрации о пороках сделки. Не всякая сделка, совершенная за полгода до введения временной администрации, и повлекшая предпочтительное удовлетворение требований одного из кредиторов, недействительна. Для оспаривания сделки требуется доказывание всех признаков сложного юридического состава и знания о самом факте совершения платежа явно недостаточно.

04.04.2017, 10.04.2017 и 11.04.2017 страховая компания со своего счета в АО "Альфа-банк", перечислила тремя платежами 80 000 000 руб. Гильметдинову М.Д. в счет оплаты векселя.

16.10.2017 страховая компания признана банкротом, открыто конкурсное производство, агентство назначено конкурсным управляющим.

Агентство 03.05.2018 направило по предполагаемому месту нахождения Гильметдинова М.Д. письмо с требованием обосновать получение денежных средств от страховой компании.

18.07.2018 агентство в деле о банкротстве страховой компании обращалось в суд за истребованием у её бывшего руководителя финансовой и бухгалтерской документации и 29.04.2019 суд удовлетворил её требования.

В связи с тем, что ответа на письмо от Гильметдинова М.Д. не последовало, агентство обратилось в районный суд с иском о взыскании с него неосновательного обогащения.

Гильметдинов М.Д. представил в районный суд возражения на иск и документы, обосновывающие спорные банковские операции. Агентство указывало, что данные документы (в частности копия векселя номиналом 80 000 000 руб.) оно впервые получило 14.03.2019 в первом судебном заседании районного суда. Решением районного суда от 09.04.2019 в удовлетворении иска отказано.

25.09.2019 агентство направило в арбитражный суд заявление о признании недействительными спорных банковских операций как совершенных с предпочтительностью (пункт 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве).

Судом округа отказано в удовлетворении заявления в связи с пропуском срока давности. Верховным Судом спор направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В соответствии с пунктом 1 статьи 200 ГК РФ по общему правилу течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Согласно пункту 12 статьи 184.1 Закона о банкротстве временная администрация страховой организации вправе обращаться в арбитражный суд с заявлениями об оспаривании сделок страховой организации по основаниям и в порядке, которые предусмотрены главой III.1 Закона о банкротстве. Срок исковой давности по требованию руководителя временной администрации финансовой организации о признании сделки недействительной по основаниям, предусмотренным статьей 61.3 Закона о банкротстве, исчисляется со дня, когда временная администрация узнала или должна была узнать о наличии таких оснований, а также о наличии у финансовой организации признаков банкротства, в зависимости от того, какое из событий наступило позднее (пункт 8 статьи 61.9 Закона о банкротстве).

Основанием оспаривания сделок по пункту 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве является наличие совокупности установленных Законом признаков, в том числе заинтересованность лица, в отношении которого совершена сделка, по отношению к должнику, указывающая на его осведомленность о неплатежеспособности или недостаточности имущества должника, что позволяет сделать вывод о предпочтении этому кредитору перед другими в отношении удовлетворения его требований.

Таким образом, для временной администрации финансовой организации срок исковой давности по оспариванию сделок по банкротным основаниям начинает течь не ранее дня потенциальной осведомленности временной администрации о своем нарушенном праве (то есть в данном случае об обстоятельствах сделки) и надлежащем ответчике.

В силу пункта 1 статьи 183.13 Закона о банкротстве задачей временной администрации финансовой организации является проведение анализа финансового состояния финансовой организации для представления в контрольный орган заключения об этом для решения об иницировании процедуры банкротства или о принятии мер по предупреждению банкротства финансовой организации. Вполне очевидно, что для осуществления подобного анализа временной администрации требуется определенное время, в течение которого происходит сбор и обработка поступившего материала. Такие факторы, как противодействие со стороны менеджмента финансовой организации, скрывающего документацию о финансово-хозяйственной деятельности, объективно влияют на дату потенциальной осведомленности временной администрации о существовании сделок должника.

В пункте 32 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" (далее – постановление № 63) разъяснено, что само по себе введение внешнего управления или признание должника банкротом не приводит к началу течения давности. При рассмотрении вопроса об осведомленности арбитражного управляющего об основаниях для оспаривания сделки учитывается, насколько он мог, действуя разумно и проявляя требующуюся от него по условиям оборота осмотрительность, установить наличие этих обстоятельств. При этом необходимо принимать во внимание, в частности, что разумный управляющий, утвержденный при введении процедуры, оперативно запрашивает всю необходимую ему для осуществления своих полномочий информацию, в том числе такую, которая может свидетельствовать о совершении подозрительных и преференциальных сделок. У руководителя должника запрашивается бухгалтерская и иная документация должника (пункт 2 статьи 126 Закона о банкротстве), у соответствующих лиц запрашиваются сведения о совершенных в течение трех лет до возбуждения дела о банкротстве и позднее сделках по отчуждению имущества должника, а также имевшихся счетах в кредитных организациях и осуществлявшихся по ним операциям и т.п.

Эти разъяснения применимы и для оценки деятельности агентства на предмет установления даты потенциальной осведомленности разумного и добросовестного антикризисного управляющего о сделках проблемной финансовой организации.

Окружной суд фактически презюмировал полную осведомленность агентства о сделке, связав её с самим фактом наделения агентства полномочиями по финансовому анализу и доступу к информации должника. Такой подход явно неверен, поскольку, во-первых, количество совершенных сделок может быть достаточно значительным для незамедлительного и одновременного их анализа и реагирования; во-вторых, от временной администрации может скрываться как сам факт совершения сделок, так и существенные сведения о них, что требует дополнительного времени для отыскания достоверных и достаточных сведений из различных источников; в-третьих, при намерении сторон сделки скрыть её суть от третьих лиц знание о её формальном совершении не указывает однозначно на осведомленность временной администрации о пороках сделки. Не всякая сделка, совершенная за полгода до введения временной администрации, и повлекшая предпочтительное удовлетворение требований одного из кредиторов, недействительна. Для оспаривания сделки по пункту 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве требуется доказывание всех признаков сложного юридического состава и знания о самом факте совершения платежа явно недостаточно.

В силу изложенного вывод окружного суда о том, что о признаках порочности спорных банковских операций агентство могло быть осведомлено сразу же с момента его назначения временной администрацией, несостоятелен. По тем же причинам несостоятелен и вывод о начале течения срока исковой давности с даты утверждения агентства конкурсным управляющим.

При этом Гильметдинов М.Д. в судах последовательно и аргументировано указывал на то, что агентство имело реальную возможность узнать об обстоятельствах спорных банковских операций, необходимых для оспаривания сделок, не только из сведений, полученных в районном суде, но и гораздо раньше. Так, например, по его мнению, такую информацию могло предоставить агентству общество "Альфа-банк", в котором был открыт счет у страховой компании и которое должно было располагать исчерпывающими и документальными сведениями о сделке на столь значительную сумму в силу требований Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма". Гильметдинов М.Д. ссылался и на то, что агентство располагало копией векселя и имело возможность установить действительный адрес места его жительства, что и сделало впоследствии перед обращением с иском в районный суд, однако ранее направляло письмо с требованием об обосновании получения денег от страховой компании по адресу, по которому он никогда не проживал. Данные обстоятельства требуют проверки и оценки деятельности агентства на предмет разумности, расторопности и добросовестности и имеют существенное значение для решения вопроса о течении давности.

[Определение ВС РФ от 07.06.2021 № 305-ЭС21-2159](#)

Вступление в дело лиц, обращающихся с жалобой в порядке пункта 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (экстраординарное обжалование) и желающих представить новые доказательства, должно осуществляться применительно к правилам о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в суде апелляционной инстанции.

При этом само по себе такое рассмотрение не является пересмотром по вновь открывшимся обстоятельствам, судом лишь по аналогии применяются соответствующие правила, которые в то же самое время не исключают правовую природу обжалования судебных актов в порядке пункта 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35 и не препятствуют представлению новых доводов и доказательств.

Администрация обратилась в суд с иском к обществу «ТМ-СтройПром» о взыскании 2 408 455 руб. 23 коп. задолженности по арендной плате за первый и второй кварталы 2016 года, 591 717 руб. 97 коп. неустойки, начисленной на сумму долга за нарушение срока внесения арендной платы.

Общество «ТМ-СтройПром» предъявило встречный иск о взыскании 2 463 815 руб. 93 коп. убытков.

Суды первой и апелляционной инстанции удовлетворили иск Администрации и отказали во встречном иске общества «ТМ-СтройПром». Апелляционная жалоба конкурсного кредитора ответчика, направленная в порядке пункта 24 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», была оставлена впоследствии без удовлетворения. Суд округа оставил без изменения решение и постановление судов, а по жалобе конкурсного кредитора на второе постановление суда апелляционной инстанции производство прекратил. Верховным Судом дело направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Администрация (арендодатель) и общество «ТМ-СтройПром» (арендатор) 16.05.2011 заключили на 36 лет договор № 33 аренды земельного участка категории земель населенных пунктов.

Администрация, ссылаясь на то, что арендатор в период с 1 по 2 кварталы 2016 года ненадлежащим образом исполнял обязанность по внесению арендной платы и оставил претензию арендодателя от 22.06.2016 без удовлетворения, обратилась в суд с настоящим иском о взыскании с общества «ТМ-СтройПром» 2 408 455 руб. 23 коп. задолженности по арендной плате и 591 717 руб. 97 коп. неустойки.

Встречный иск общества «ТМ-СтройПром» о взыскании с Администрации убытков обоснован тем, что Администрация не исполнила принятых на себя обязательств по заключенному сторонами и Министерством строительного комплекса Московской области инвестиционному контракту от 18.03.2005 на строительство нескольких жилых домов на указанном земельном участке. За нарушение сроков строительства по искам участников долевого строительства с застройщика взыскана неустойка. Застройщик несет расходы по арендной плате за земельный участок.

Решением от 04.09.2018 общество «ТМ-СтройПром» признано банкротом, в отношении него открыто конкурсное производство.

Общество «ЦРС», конкурсный кредитор ответчика, обращаясь с апелляционной жалобой в арбитражный апелляционный суд на решение по настоящему делу, сослалось на то, что договор аренды спорного участка прекратил свое действие, так как участок перешел не позднее 05.07.2013 в общую долевую собственность собственников жилых и нежилых помещений в построенном на участке многоквартирном доме, то есть задолго до начала периода - 01.01.2016, за который Администрация взыскивает задолженность.

Указанное обстоятельство существовало на момент принятия оспариваемого решения, но стало известно обществу «ЦРС» как кредитору ответчика, в отношении которого дело о банкротстве возбуждено в 2018 году, только с момента получения выписки из ЕГРН.

Кредитор не был участником дела при вынесении решения судом первой инстанции и не мог знать о наличии данного доказательства.

Согласно разъяснениям, приведенным в пункте 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35, если конкурсные кредиторы полагают, что их права и законные интересы нарушены судебным актом, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование (в частности, если они считают, что оно является необоснованным по причине недостоверности доказательств либо ничтожности сделки), то на этом основании они, а также арбитражный управляющий вправе обжаловать в общем установленном процессуальным законодательством порядке указанный судебный акт, при этом в случае пропуска ими срока на его обжалование суд вправе его восстановить с учетом того, когда подавшее жалобу лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов. Копия такой жалобы направляется ее заявителем представителю собрания (комитета) кредиторов (при его наличии), который также извещается судом о рассмотрении жалобы. Все конкурсные кредиторы, требования которых заявлены в деле о банкротстве, а также арбитражный управляющий вправе принять участие в рассмотрении жалобы, в том

числе представить новые доказательства и заявить новые доводы. Повторное обжалование названными лицами по тем же основаниям того же судебного акта не допускается.

Из приведенных разъяснений не следует, что конкурсный кредитор, полагающий, что его права и законные интересы нарушены судебным актом, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, может ссылаться только на недостоверность представленных сторонами при рассмотрении спора доказательств либо на ничтожность сделки.

Напротив, конкурсные кредиторы, обжалуя судебный акт, об ошибочном, по их мнению, взыскании денежных средств с должника, могут представить новые доказательства и заявить новые доводы.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 24.12.2015 № 304-ЭС15-12643, обжалование кредитором (или арбитражным управляющим) судебных актов по правилам пункта 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35, полагающим, что судами произведено ошибочное взыскание денежных средств с должника, является одним из выработанных судебной практикой правовых механизмов обеспечения права на судебную защиту лиц, не привлеченных к участию в деле, в том числе тех, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом непосредственно не затрагиваются.

Вступление в дело лиц, обращающихся с жалобой в порядке пункта 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35 и желающих представить новые доказательства, должно осуществляться применительно к правилам о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в суде апелляционной инстанции (пункт 25 постановления Пленума ВС РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции»).

При этом само по себе такое рассмотрение не является пересмотром по вновь открывшимся обстоятельствам, судом лишь по аналогии (часть 5 статьи 3 АПК РФ) применяются соответствующие правила, которые в то же самое время не исключают правовую природу обжалования судебных актов в порядке пункта 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35 и не препятствуют представлению новых доводов и доказательств.

Таким образом, суд апелляционной инстанции и поддержавший его суд округа, сославшись на необходимость рассмотрения жалобы конкурсного кредитора по правилам рассмотрения заявления о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам и указав, что представление новых доказательств не может служить основанием для пересмотра решения по правилам главы 37 АПК РФ, пришли к ошибочному выводу о наличии у общества «ЦРС» права приводить в апелляционной жалобе только доводы о недействительности заключенного истцом и ответчиком договора аренды от 16.05.2011 или недопустимости представленных Администрацией доказательств.

Приобщив к материалам дела выписку из ЕГРН, из которой, как указывают общество «ЦРС» и конкурсный управляющий обществом «ТМ-СтройПром», следует возникновение у собственников помещений в доме, расположенном на спорном земельном участке, права общей долевой собственности на этот участок, сформированный для строительства именно этого дома, суд апелляционной инстанции в нарушение приведенных разъяснений и требований пункта 12 части 2 статьи 271 АПК РФ не исследовал и не оценил данный документ, не дал оценку доводам конкурсного кредитора и конкурсного управляющего о том, что не позднее 05.07.2013 спорный земельный участок перешел в общую долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме, поэтому у арендатора (ответчика) в период, указанный в иске Администрации, отсутствовала обязанность вносить арендную плату.

Между тем, поскольку ответчик находится в процедуре банкротства и решение по настоящему делу предопределяет результат рассмотрения вопроса о включении требований Администрации в реестр требований кредиторов ответчика, апелляционному суду необходимо было проверить изложенные кредитором доводы, которые Администрация при рассмотрении жалобы не опровергла.

[Определение ВС РФ от 23.06.2021 № 305-ЭС19-17221 \(2\)](#)

1. В случае, если сделка имеет пороки, соответствующие диспозиции одного из специальных составов, предусмотренных положениями главы III.1 Закона о банкротстве, данная сделка не может быть оспорена по иному специальному составу, предусмотренному этой же главой. В противном случае разделение составов недействительности сделок на положения ст. 61.2 и ст. 61.3 Закона о банкротстве было бы лишено смысла за поглощением специальных составов недействительности сделок друг другом, что очевидно не соответствует целям законодательного регулирования.

2. Сальдирование имеет место тогда, когда в рамках одного договора (либо нескольких взаимосвязанных договоров) определяется завершающая обязанность сторон при прекращении договорных отношений полностью (либо их отдельного этапа). Сопоставление обязанностей сторон из одних отношений и осуществление арифметических (расчетных) операций с целью определения лица, на которого возлагается завершающее исполнение (с суммой такого исполнения), не может быть квалифицировано как зачет и не подлежит оспариванию как отдельная сделка по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве, так как в данном случае отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком какого-либо предпочтения – причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает он сам своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, констатировавший расчетную операцию сальдирования. Соответственно, в подобной ситуации не возникают встречные обязанности, а формируется лишь единственная завершающая обязанность одной из сторон договора.

В рамках дела о банкротстве должника его конкурсный управляющий обратился с заявлением о признании недействительным зачета встречных требований по договору субподряда от 08.09.2015 на сумму 22 390 802,61 руб.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено, оспариваемая сделка признана недействительной, применены последствия ее недействительности в виде: восстановления права требования должника к обществу в сумме 22 390 802,61 руб. по долгу за выполненные работы; восстановления встречного права требования общества к должнику на ту же сумму по неустойке. Верховным Судом в удовлетворении заявления отказано.

08.09.2015 между обществом (заказчиком) и должником (подрядчиком) заключен договор субподряда, согласно условиям которого подрядчик принял на себя обязательство выполнить проектно-изыскательские работы на внешнее электроснабжение для разработки проекта строительства участка высокоскоростной железнодорожной магистрали, а исполнитель обязался осуществить приемку и оплату работ.

Права требования к заказчику по указанному договору переданы подрядчиком (залогодателем) в залог Банку Открытие (залогодержателю) на основании договора залога прав от 03.06.2016. Сторонами получено согласие заказчика на передачу указанных прав в залог.

Письмом от 05.07.2017 заказчик уведомил подрядчика о расторжении договора, потребовав оплатить штрафную неустойку в размере 62 127 000 руб., а также в размере 24 060 150,57 руб.

Ответным письмом от 06.07.2017 подрядчик с учетом встречных нарушений заказчика выразил готовность частично уплатить неустойку в размере 22 390 802,62 руб. путем удержания указанной суммы из гарантийного фонда, предусмотренного договором субподряда.

В ответ на указанное письмо заказчик письмом от 21.09.2017 (получено 02.10.2017) сообщил подрядчику об удержании неустойки в размере 22 390 802,61 руб. и «зачете указанной суммы в счет оплаты за выполненные работы».

Дело о банкротстве должника (подрядчика) возбуждено 26.04.2018.

Полагая, что в результате названного обмена письмами произошел зачет встречных требований, имеющий признаки подозрительной сделки, конкурсный управляющий обратился с заявлением по настоящему обособленному спору.

Суды отметили, что дебиторская задолженность заказчика (общества) является предметом залога, в связи с чем банку как залоговому кредиту должно было быть перечислено, по крайней мере, 80 % от размера долга с удержанием в конкурсную массу оставшихся 20 % в соответствии с положениями статьи 138 Закона о банкротстве. Таким образом, в результате совершенного зачета залоговый кредитор был лишен возможности обратиться взыскание на предмет залога, что причинило имущественный вред как банку, так и остальным кредиторам.

При таких условиях суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили заявленные требования.

Судебная коллегия соглашается с выводом суда округа о том, что зачет неустойки против основного долга сам по себе не свидетельствует о неравноценности встречного предоставления и потому в этой части конкурсной массе не мог быть причинен вред. Вместе с тем нельзя признать правомерными выводы суда округа о наличии вреда в той мере, в которой, по его мнению, залоговый кредитор был лишен возможности приоритетного погашения своего требования, поскольку лишение такой возможности фактически означает предпочтительное погашение требований ответчика, что соответствует диспозиции состава недействительности, предусмотренного пунктом 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве.

Следовательно, ссылка конкурсного управляющего на причинение вреда приоритетным удовлетворением требования общества фактически направлена на обход указанного специального состава недействительности, так как оказание предпочтения отдельному кредитору само по себе еще не свидетельствует о причинении конкурсной массе (иным кредиторам) вреда. В противном случае специальный состав недействительности, предусмотренный статьей 61.3 Закона о банкротстве, был бы лишен смысла, будучи полностью поглощенным положениями статьи 61.2 данного Закона, что очевидно не соответствует целям законодательного регулирования.

Таким образом, у судов не имелось оснований для признания сделки недействительной по основаниям, предусмотренным положениями пунктов 1 и 2 статьи 61.2 данного Закона.

Кроме того, в опровержение позиции истца общество ссылалось на невозможность квалификации спорных действий как сделки в принципе, указывая на то, что имело место сальдирование, а не зачет.

В настоящее время на уровне ВС РФ сложилась устойчивая судебная практика по вопросу разграничения зачета от сальдирования при перерасчете итогового платежа заказчика путем уменьшения цены договора на сумму убытков заказчика, в частности, возникших вследствие просрочки (определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946, от 12.03.2018 № 305-ЭС17-17564, от 02.09.2019 № 304-ЭС19-11744, от 29.08.2019 № 305-ЭС19-10075, от 11.06.2020 N 305-ЭС19-18890 (2), от 10.12.2020 № 306-ЭС20-15629 и проч.).

По смыслу данной позиции сальдирование имеет место тогда, когда в рамках одного договора (либо нескольких взаимосвязанных договоров) определяется завершающая обязанность сторон при прекращении договорных отношений полностью (либо их отдельного этапа). Сопоставление обязанностей сторон из одних отношений и осуществление арифметических (расчетных) операций с целью определения лица, на которого возлагается завершающее исполнение (с суммой такого исполнения), не может быть квалифицировано как зачет и не подлежит оспариванию как отдельная сделка по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве, так как в данном случае отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком какого-либо предпочтения – причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает он сам своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, констатировавший расчетную операцию сальдирования (определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 08.04.2021 № 308-ЭС19-24043 (2, 3)). Соответственно в подобной ситуации не возникают встречные обязанности, а формируется лишь единственная завершающая обязанность одной из сторон договора.

В рамках настоящего дела общество отмечало следующее. Несмотря на то, что в переписке сторон произведенная операция была поименована как зачет, в действительности произошло удержание суммы неустойки из средств, которые общество как заказчик должно было выплатить подрядчику за выполненные работы. Конкурсный управляющий и банк в нарушение положений статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации названный довод не опровергли.

Таким образом, у судов имелись основания для квалификации осуществленной операции как сальдирования.

Согласно пункту 1 статьи 358.1 ГК РФ предметом залога могут быть имущественные права (требования), вытекающие из обязательства залогодателя. Залогодателем права может быть лицо, являющееся кредитором в обязательстве, из которого вытекает закладываемое право (правообладатель).

Соответственно, квалифицирующим признаком при подобной залоговой конструкции является наличие у залогодателя прав кредитора по обязательству.

Однако, как указано выше, при сальдировании не возникают встречные обязанности сторон, то есть подрядчик не становится кредитором в отношении заказчика в части вычтенной суммы, у него отсутствует соответствующее право требования. По этой причине денежные средства не подлежат направлению подрядчику (залогодателю); их удержание не может причинить вред залоговому кредитору, а также квалифицироваться как нарушение очередности удовлетворения требований последнего.

[Определение ВС РФ от 23.06.2021 № 305-ЭС21-3961 \(1-3\)](#)

Когда отношения контрагентов являются сложноструктурированными и опосредуются чередой запутанных и связанных между собой сделок, правильная квалификация совокупности юридически значимых действий сторон должна осуществляться посредством сопоставления фактических обстоятельств, имевших место до инициирования оспариваемых действий, и обстоятельств, возникших после совершения сторонами всех операций.

В случае, если залогодержатель передал право требования к должнику, получив частичное исполнение путем внесудебного обращения взыскания на предмет залога, факт включения в реестр требования кредиторов требования целиком, а не его непогашенной части является зоной ответственности конечный залогодержатель, а не получивший частичное исполнение предыдущий.

Квалифицируя сделку по внесудебному обращению взыскания на предмет залог на предмет наличия у нее признаков причинения вреда (статья 61.2 Закона о банкротстве) или злоупотребления правом (статьи 10 и 168 ГК РФ), судам необходимо сопоставить размер денежных требований кредитора со стоимостью заложенного имущества, на которое обращено взыскание. В случае, если размер задолженности заемщиков и поручителя по кредиту существенно превышает стоимость заложенного имущества, не имеется условий для вывода о наличии у сделки признаков вреда, в том числе ее направленности на недобросовестный (то есть лишенный разумного экономического основания) вывод активов. Неравноценность встречного исполнения если и имеет в такой ситуации место, то по отношению к удовлетворившему свои требования залогодержателю, но никак не в отношении кредиторов должника.

При этом последствием признания сделки недействительной в части может явиться взыскание с залогодержателя, удовлетворившего свои требования к должнику, процентной стоимости полученного по сделкам имущества (в зависимости от наличия либо отсутствия кредиторов первой/второй очереди, п. 2, 2.1 ст. 138 Закона о банкротстве).

В рамках дела о банкротстве должника конкурсные кредиторы Сбербанк России и Банк Траст обратились с заявлениями об оспаривании сделок по переходу права собственности на объекты недвижимого имущества (три здания) и права аренды находящегося под зданиями земельного участка от должника к обществу «Раздолье», от общества «Раздолье» к Доверительному управляющему ЗПИФ Якорь, применении последствий недействительности сделок.

При новом рассмотрении спора судами апелляционной инстанции и округа признан ничтожным переход права собственности на здания от должника к обществу «Раздолье» и от общества «Раздолье» к Доверительному управляющему и переход права аренды участника от должника Доверительному управляющему. Применены последствия недействительности ничтожных сделок в виде возврата зданий в конкурсную массу и права аренды - должнику. Верховным Судом спор направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В 2013 году ОАО «КИТ Финанс Инвестиционный банк» (правопредшественник Абсолют Банка) на основании кредитных договоров от 11.06.2013 с ЗАО «Терна Полимер» и от 11.06.2013 с АО «Петушинский металлический завод» предоставил последним кредит на общую сумму 30 млн евро.

Должник в обеспечение исполнения обязательств по возврату кредитов выдал поручительство (договоры поручительства от 11.06.2013), а также передал спорное недвижимое имущество – здания и право аренды земельного участка под ними – в залог (договоры залога (ипотеки) недвижимого имущества от 11.06.2013).

В дальнейшем в 2015 году (срок возврата кредитов) были совершены следующие действия:

06.03.2015 должник внес здания и право аренды земельного участка в уставный капитал общества «Раздолье» (регистрация перехода права произведена 24.03.2015), получив взамен 99,6279 % долей этого общества (остальные 0,3721 % переданы Денисовой Л.В.);

14.03.2015 должник продал 99,6279 % долей общества «Раздолье» в пользу общества с ограниченной ответственностью «Профи»;

18.03.2015 общество «Профи» продало 99,6279 % долей общества «Раздолье» в пользу общества с ограниченной ответственностью «Информационные системы»;

03.04.2015 общество «Информационные системы» продало 99,627% долей общества «Раздолье» в пользу Доверительного управляющего ЗПИФ Якорь за 1,883 млрд руб.;

07.04.2015 общество «Информационные системы» приобрело у Абсолют Банка права требования по кредитным договорам (и обеспечительным сделкам) за 1,86 млрд руб.;

10.04.2015 Абсолют Банк и общество «Информационные системы» подали заявления о переводе прав залогодержателя спорной недвижимости от банка к обществу «Информационные системы», а также о прекращении ипотеки;

15.04.2015 зарегистрировано внесение изменений в отношении личности залогодержателя спорного имущества, внесена запись о прекращении ипотеки.

25.05.2015 Доверительный управляющий ЗПИФ Якорь приобрел у Денисовой Л.В. оставшуюся часть долей общества «Раздолье» (0,3721 %) и стал единственным участником данного общества;

05.06.2015 в процедуре ликвидации общество «Раздолье» передало здания Доверительному управляющему ЗПИФ Якорь в качестве ликвидационной квоты;

05.12.2017 спорные здания внесены Доверительным управляющим ЗПИФ Якорь в уставный капитал общества «Селигер Парк»;

02.03.2017 между Департаментом городского имущества г. Москвы и обществом «Селигер Парк» заключено дополнительное соглашение к договору аренды земельного участка от 15.02.1999, в соответствии с которым права и обязанности арендатора по договору аренды земельного участка перешли к обществу «Селигер Парк» с 05.12.2017.

Ключевым аспектом при рассмотрении настоящего спора являлся вопрос о квалификации совокупности оспариваемых сделок. Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что данные сделки представляли собою многоступенчатый процесс обращения взыскания Абсолют Банком на заложенное имущество, в то время как суды апелляционной инстанции и округа оценили данные сделки как направленные на недобросовестный вывод имущества должника во вред иным кредиторам.

В подобной ситуации, когда отношения сторон являются сложноструктурированными и опосредуются чередой запутанных и связанных между собой сделок, правильная квалификация совокупности юридически значимых действий сторон должна осуществляться посредством сопоставления фактических обстоятельств, имевших место до инициирования оспариваемых действий, и обстоятельств, возникших после совершения сторонами всех операций.

В данном случае до совершения первой оспариваемой сделки (передачи недвижимого имущества обществу «Раздолье» в качестве вноса в уставный капитал) Абсолют Банк имел денежное требование к должнику, которое было обеспечено залогом спорного имущества. При этом, как установлено судами и не оспаривается участвующими в деле лицами, по завершении последней из оспариваемых операций залоговое имущество было включено в состав ЗПИФ Якорь, единственным пайщиком которого является Абсолют Банк.

Согласно пункту 3 статьи 11 Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» имущество, составляющее паевой инвестиционный фонд, является общим имуществом владельцев инвестиционных паев и принадлежит им на праве общей долевой собственности.

Соответственно, с учетом того факта, что Абсолют Банк являлся единственным пайщиком, следует заключить, что имущество перешло в его собственность. Помимо этого, по итогам совершения спорных операций Абсолют Банк утратил денежные требования к группе компаний, к которой принадлежал должник.

Таким образом, имелись веские основания полагать, что в результате совершения цепочки оспариваемых сделок произошло внесудебное обращение взыскания на залог посредством передачи заложенного имущества в собственность залогового кредитора.

Вывод об обратном (в частности, что имели место самостоятельное приобретение Абсолют Банком объектов недвижимости посредством покупки доли в уставном капитале общества «Раздолье» и самостоятельная купля-продажа прав требования по кредиту входящими в группу должника компаниями, на что указывал представитель Сбербанка России) возможен при условии отдельной квалификации оспариваемых сделок. В то же время суды трех инстанций правомерно сослались на их взаимосвязанность, так как данные сделки заключены в короткий промежуток времени, опосредовали перемещение между сторонами одних и тех же объектов недвижимого имущества, имели единую цель и общую направленность.

Отклоняя доводы ответчиков относительно правовой природы спорных сделок, суды апелляционной инстанции и округа отметили, что обращение взыскания на спорное имущество не могло иметь места, поскольку в итоге сумма уступленных цессионариям денежных прав по кредитам не была уменьшена на стоимость заложенного имущества (о чем свидетельствует последующее включение требований цессионария в реестр в полном объеме).

Действительно, по смыслу пункта 3 статьи 334 ГК РФ при реализации залогодержателем своих прав в отношении заложенного имущества осуществляется соразмерное погашение основного обязательства, что в данном случае не произошло. Однако, возражая против указанного вывода, представители общества «Селигер Парк» и Доверительного управляющего указывали на то, что денежные права требования были уступлены лицам (последовательно обществу «Информационные системы», обществу «Профи» и далее компании Коренто Трейдинг Груп Инк), которые не относятся к группе Абсолют Банка, а, напротив, входят в группу компаний заемщиков, как установлено судом первой инстанции. При этом судами апелляционной инстанции и округа названные доводы и выводы суда первой инстанции не были опровергнуты, равным

образом истцы (Сбербанк России и Банк Траст) также не привели возражений относительно названных фактов. Исходя из этого, действия цессионариев по предъявлению ко включению в реестр требований в полном объеме не могут противопоставляться группе Абсолют Банка и в любом случае сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности последнего как залогодержателя.

Выводы же судов апелляционной инстанции и округа привели к тому, что негативные последствия незаконного поведения цессионариев были возложены на Абсолют Банк и связанных с ним лиц. Равным образом с учетом лишения Абсолют Банка статуса залогового кредитора в результате применения реституции – основная часть вырученных от продажи имущества средств будет направлена именно цессионариям (то есть фактически обогатится группа заемщиков, передавших изначально недвижимость в залог), что не соответствует целям и задачам справедливого судебного разбирательства.

Кроме того, вывод судов апелляционной инстанции и округа о злоупотреблении со стороны группы Абсолют Банка базировался на его аффилированности с группой заемщика через корпоративное участие в обществе «Раздолье», на это же ссылались представители Банка Траст и Сбербанка России. Однако этот вывод входит в противоречие с установленными самими судами фактическими обстоятельствами: как указано выше, 03.04.2015 общество «Информационные системы» продало 99,627% долей общества «Раздолье» в пользу Доверительного управляющего ЗПИФ Якорь. Следовательно, факт одновременного корпоративного участия в упомянутом обществе Абсолют Банка (или членов его корпоративной группы) и лиц, входящих в группу заемщика, не подтверждается; напротив, произошло перемещение (трансфер) актива (доли в уставном капитале и, соответственно, спорной недвижимости) из одной группы в другую. Заключение же сделки купли-продажи само по себе никак не может подтверждать аффилированность сторон при отсутствии иных условий, указывающих на их связанность.

По этим же причинам являются ошибочными выводы судов апелляционной инстанции и округа, которые, квалифицируя спорные сделки, рассматривали факт погашения ипотеки в отношении спорного имущества (по заявлению должника и цессионария общества «Информационные системы») как обстоятельство, которое бы наступило в любом случае. Вместе с тем очевидно, что любой разумный кредитор, чьи требования обеспечены залогом, не даст согласия снять обременение до тех пор, пока не состоялось удовлетворение его требований. Соответственно, прекращение ипотеки в отношении спорного имущества может быть объяснено исключительно одновременным перемещением доли в обществе «Раздолье» (которое владело недвижимостью) в группу Абсолют Банка. В результате таких действий данная группа оставляла у себя предмет залога, отказываясь от иных денежных прав по кредиту (ввиду отсутствия у должника иных активов). Вопреки выводам судов апелляционной инстанции и округа залог не мог прекратиться до тех пор, пока кредитору не была предоставлена экономически ценная компенсация за невозвращенный кредит.

Исходя из этого, судебная коллегия соглашается с судом первой инстанции, который указал на то, что фактически имело место обращение взыскания на заложенное имущество, в связи с чем именно эта сделка подлежала проверке с точки зрения пороков недействительности.

Квалифицируя такую сделку на предмет наличия у нее признаков причинения вреда (статья 61.2 Закона о банкротстве) или злоупотребления правом (статьи 10 и 168 ГК РФ), необходимо сопоставить размер денежных требований кредитора со стоимостью заложенного имущества, на которое обращено взыскание. Суд первой инстанции установил (и судами апелляционной инстанции и округа данный факт не опровергнут), что размер задолженности заемщиков и общества «Дмитровка» (как поручителя) по кредиту существенно превышал стоимость заложенного имущества, в силу чего не имелось условий для вывода о наличии у сделки признаков вреда, в том числе ее направленности на недобросовестный (то есть лишенный разумного экономического основания) вывод активов. Неравноценность встречного исполнения если и имела место, то по отношению к Абсолют Банку, но никак не в отношении кредиторов должника.

Таким образом, суд первой инстанции правомерно счел ошибочными доводы о необходимости применения положений статьи 61.2 Закона о банкротстве либо статей 10 и 168 ГК РФ. Суды же апелляционной инстанции и округа в результате неправильной квалификации природы оспариваемой цепочки сделок пришли к ошибочному выводу и в части наличия у данных сделок признаков причинения вреда конкурсным кредиторам должника.

В то же время нельзя согласиться с выводами суда первой инстанции об отказе в признании цепочки сделок недействительной в полном объеме.

Как разъяснено в абзаце втором пункта 9.1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности

(банкротстве)» (далее – постановление № 63), если сделка с предпочтением была совершена в течение шести месяцев до принятия заявления о признании банкротом или после принятия этого заявления, то для признания ее недействительной достаточно обстоятельств, указанных в статье 61.3 Закона о банкротстве, а потому доказывание иных обстоятельств, определенных пунктом 2 статьи 61.2 (в частности, цели причинить вред), не требуется.

Дело о банкротстве должника возбуждено 27.05.2015. Оспариваемая цепочка сделок совершена преимущественно в период с марта по июнь 2015 года, что соответствует периодам подозрительности, установленным положениями статьи 61.3 Закона о банкротстве. Следовательно, данная совокупность сделок могла быть оспорена как направленная на оказание предпочтения отдельному кредитору.

Учитывая отсутствие у должника кредиторов первой и второй очереди, в силу положений пунктов 2 и 2.1 статьи 138 Закона о банкротстве Абсолют Банку как залоговому кредитору при обращении взыскания в процедуре несостоятельности было бы выплачено до 95 % от стоимости заложенного имущества. Следовательно, банк не может считаться получившим предпочтение в этой части (пункт 29.3 постановления № 63, определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14.02.2018 № 305-ЭС17-3098 (2)).

Последствием недействительности взаимосвязанных сделок могло бы стать взыскание с банка не более 5% от стоимости недвижимости, что ошибочно не учтено судом первой инстанции. При этом с возможностью признания сделки недействительной в части 5 % соглашались и податели кассационных жалоб, на это же ссылался и конкурсный управляющий.

При новом рассмотрении в целях полного и всестороннего разрешения спора, применения реституции суду первой инстанции следует решить вопрос о необходимости привлечения Абсолют Банка (как лица, обратившего взыскание на залог) и общества «Селигер Парк» (как нынешнего собственника недвижимости) к участию в обособленном споре в качестве ответчиков. Кроме того, суду следует установить действительную рыночную стоимость заложенного имущества (без учета обременения) в период совершения Абсолют Банком действий по обращению взыскания на залог и, исходя из этого, разрешая вопрос о признании сделки недействительной в части получения кредитором 5 %, определить точную сумму, подлежащую взысканию в порядке реституции. Кроме того, необходимо отметить, что судебный акт об отказе в признании сделки недействительной в части 95 % стоимости заложенного имущества может являться основанием для пересмотра по новым обстоятельствам определения о включении в реестр требования цессионария в указанной части.

[Определение ВС РФ от 24.06.2021 № 305-ЭС21-2625](#)

При рассмотрении вопроса о правомерности утверждения судом мирового соглашения в рамках общеискового производства по заявлению арбитражного управляющего о признании недействительной сделки об отчуждении имущества должника последующим собственником третьему лицу, судам надлежит установить, не нарушаются ли права должника и его конкурсных кредиторов таким мировым соглашением.

В частности, могут быть исследованы следующие обстоятельства: определялась ли рыночная стоимость спорного, переданного по цепочке сделок имущества должника, не направлено ли заключение мирового соглашения на преодоление вступившего в силу судебного акта о признании недействительной первой из цепочки сделок по отчуждению такого имущества.

Судами первой инстанции и округа производство по делу прекращено на основании части 2 статьи 150 АПК РФ в связи с утверждением судом заключенного сторонами спора мирового соглашения. Верховным Судом дело передано в суд первой инстанции для нового рассмотрения ходатайства об утверждении мирового соглашения.

Решением от 11.08.2017 Муртазалиев Ш.Р. признан банкротом и в отношении него введена процедура реализации имущества; финансовым управляющим утвержден Сенцов А.С.

Банк является крупнейшим кредитором должника.

Должнику принадлежало 100% доли уставного капитала общества «НараСтрой-М».

Муртазалиевым Ш.Р. (продавец) и Лябиховым Р.М. (покупатель) 26.08.2018 был заключен договор купли-продажи 100 % доли уставного капитала общества, который определением от 27.12.2018 по иску финансового управляющего должника признан недействительной сделкой.

До вступления в силу указанного судебного акта Лябихов Р.М. (продавец) по договору от 15.01.2019 продал Гладуняку Р.Н. (покупатель) 100 % доли в уставном капитале общества «НараСтрой-М».

Финансовый управляющий, ссылаясь на положения статей 10, 168 ГК РФ, обратился в суд с иском о признании недействительным договора купли-продажи доли в уставном капитале общества «НараСтрой-М» от 15.01.2019, заключенного между Лябиховым Р.М. и Гладуняком Р.Н., и применении последствий недействительности сделки. Арбитражным судом к участию в котором в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечен банк.

При рассмотрении спора финансовый управляющий, Лябихов Р.М. и Гладуняк Р.Н. представили мировое соглашение от 28.01.2020 (далее – мировое соглашение от 28.01.2020), которое они просили суд утвердить и производство по делу прекратить.

Банк возражал против утверждения судом мирового соглашения.

Определением от 10.02.2020, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда от 20.07.2020 и постановлением суда округа от 03.09.2020, в удовлетворении заявления об утверждении мирового соглашения отказано.

Стороны повторно заявили ходатайство об утверждении мирового соглашения от 01.10.2020 (далее - мировое соглашение от 01.10.2020).

По результатам рассмотрения повторного ходатайства суды пришли к выводу о том, что мировое соглашение не противоречит закону и не нарушает прав и законных интересов третьих лиц, в связи с чем утвердил его и производство по делу прекратил.

По условиям мировых соглашений от 28.01.2020 и 01.10.2020 стороны договорились, что Лябихов Р.М. компенсирует истцу 100 % доли в уставном капитале общества «НараСтрой-М» путем перечисления 8 940 000 рублей на основной счет должника.

В соответствии с частью 2 статьи 138, пунктом 3 статьи 139 АПК РФ стороны могут урегулировать спор, заключив мировое соглашение; мировое соглашение не может нарушать права и законные интересы других лиц и противоречить закону.

Согласно части 5 статьи 49, части 6 статьи 141 АПК РФ арбитражный суд не утверждает мировое соглашение, если оно противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц.

Мировое соглашение представляет собой соглашение сторон, то есть сделку, вследствие чего к этому соглашению, являющемуся одним из средств защиты субъективных прав, помимо норм процессуального права, подлежат применению нормы гражданского права о договорах, в том числе правила о свободе договора (статья 421 ГК РФ). Таким соглашением, если оно утверждено арбитражным судом, стороны прекращают спор (полностью или в части) на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок (пункт 9 постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе», далее - постановление Пленума № 50).

В пункте 14 постановления Пленума № 50 разъяснено, что арбитражный суд при рассмотрении вопроса об утверждении мирового соглашения исследует фактические обстоятельства спора и представленные лицами, участвующими в деле, доводы и доказательства, дает им оценку лишь в той степени и поскольку это необходимо для установления соответствия мирового соглашения требованиям закона и отсутствия нарушений прав и законных интересов других лиц (часть 6 статьи 141 АПК РФ), в частности, проверяет полномочия лиц, подписавших проект мирового соглашения, наличие волеизъявления юридического лица на заключение мирового соглашения, возможно ли распоряжение имуществом, являющимся предметом мирового соглашения, имеются ли у такого имущества обременения, соответствует ли проект мирового соглашения императивным нормам действующего законодательства, в том числе о сделках (за исключением случаев, когда такая проверка осуществляется судом только по заявлению соответствующего лица), а также изучает проект мирового соглашения для целей выявления условий, затрагивающих права и законные интересы лиц, не участвующих в деле (с учетом положений пункта 3 статьи 308 ГК РФ).

Рассматривая первоначальное ходатайство сторон об утверждении мирового соглашения, исследовав обстоятельства спора, проверив условия мирового соглашения, выслушав доводы лиц, участвующих в деле и представленные ими документы в обоснование своих правовых позиций, суд первой инстанции, поддержанный в дальнейшем судами апелляционной и кассационной инстанций, пришел к выводу о том, что мировое соглашение направлено на преодоление судебного акта (определение от 27.12.2018), вынесенного в рамках дела о банкротстве, противоречит требованиям закона и может нарушить права третьих лиц.

Вместе с тем при рассмотрении вопроса об утверждении мирового соглашения от 01.10.2020 суды первой и кассационной инстанций вопреки требованиям процессуального законодательства не оценивали условия мирового соглашения на предмет его соответствия требованиям законодательства и соблюдения

прав и законных интересов третьих лиц (кредиторов общества), ограничились лишь констатацией отсутствия таких нарушений, не мотивировали свои выводы, основываясь на доказательствах, представленных лицами, участвующими в деле, в обоснование своих требований и возражений по вопросу возможности утверждения мирового соглашения (пункт 6 части 1 статьи 185, пункты 12, 13 части 2 статьи 289 АПК РФ).

Банк в кассационной жалобе указывает на взаимоисключающий результат рассмотрения двух ходатайств сторон об утверждении мирового соглашения, на немотивированность обжалуемых судебных актов.

Кроме того, заявитель кассационной жалобы ссылается на неисполнение сторонами условий мирового соглашения, а в материалах дела отсутствуют какие-либо документы, подтверждающие или опровергающие данное обстоятельство.

Также банк полагает, что заключение мирового соглашения на указанных в нем условиях не привело к наполнению конкурсной массы и, соответственно, нарушило интересы банка, как кредитора Муртазалиева Ш.Р. и иных кредиторов в деле о банкротстве должника; в мировом соглашении определена стоимость доли в уставном капитале общества, являющегося действующим и имеющего активы, балансовая стоимость которых многократно превышает стоимость доли, определенную сторонами в мировом соглашении. Вместе с тем из судебных актов не усматривается, были ли предметом проверки данные доводы заявителя.

[Определение ВС РФ от 24.06.2021 № 305-ЭС21-1766\(1,2\)](#)

Разрешая вопрос о допустимости оспаривания кредитором отказа находящегося с ним в обязательственных отношениях несостоятельного лица от иска к контрагенту, необходимо определить, может ли такое действие негативно повлиять на конкурсную массу и, как следствие, на имущественные права кредиторов.

Последствием отказа от иска и его принятия судом является недопустимость повторного обращения в суд по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям, то есть истец утрачивает свое материальное субъективное право в правоотношениях с ответчиком и, соответственно, те экономические блага, которые являются содержанием этого права. Таким образом, очевидно, что отказ от иска объективно влияет на состояние конкурсной массы должника в ущерб интересам его кредиторов, а потому подобное действие может быть оспорено по банкротным правилам с соблюдением процессуальной формы, предполагающей оспаривание сделки через обжалование судебного акта, которым эта сделка утверждена.

Должник (истец) обратился в суд с иском к обществу «ЛАНИТ-Интеграция» (ответчик) о взыскании 340 567 873 руб. 26 коп. задолженности.

Судом принят отказ должника от иска, производство по делу прекращено. Суды апелляционной инстанции и округа согласились с выводом суда первой инстанции. Верховным Судом дело возвращено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определением от 29.03.2019 возбуждено дело о банкротстве истца. Определением от 16.05.2019 в отношении должника введена процедура наблюдения, решением от 27.01.2020 должник признан банкротом, открыто конкурсное производство.

Полагая, что отказ от иска прикрывает сделку по выводу активов должника, являющуюся недействительной в силу пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, общество, являясь конкурсным кредитором должника, обратилось в суд с апелляционной жалобой на определение от 20.12.2018.

В преддверии банкротства должник в том числе может предпринимать действия, направленные на вывод своего имущества от принудительного взыскания, что влечет причинение вреда кредиторам должника, снижая вероятность погашения их требований.

Одним из инструментов защиты конкурсных кредиторов от противоправных действий должника-банкрота по искусственному уменьшению своей имущественной массы, обеспечивающей выполнение долговых обязательств, является предоставление ему права обжалования соответствующего судебного акта.

Общество, обращаясь с апелляционной жалобой на определение суда первой инстанции, указывало, что обжалуемый судебный акт затрагивает его интересы как кредитора истца в деле о банкротстве последнего. При этом, ссылаясь на пункт 1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», оспаривало отказ от иска как сделку по специальным банкротным основаниям, полагая, что подобное волеизъявление (правовой акт) накануне банкротства истца совершено в целях причинения вреда

кредиторам и прикрывает внесудебное соглашение между ответчиком и должником, по условиям которого последний прощает обществу «ЛАНИТ-Интеграция» значительную часть долга, а тот, в свою очередь, по распоряжению должника перечисляет оставшуюся часть долга на счета третьих лиц. Такие действия сторон, по мнению общества, позволили должнику оперативно получить от ответчика защищенные от кредиторского взыскания денежные средства, а ответчику – уменьшить свою задолженность перед истцом.

Соответственно, перед судами в рамках настоящего дела стоял вопрос о допустимости оспаривания действий должника, направленных на отказ от иска в рамках общеискового производства, по специальным основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве.

По смыслу статьи 61.1 Закона о банкротстве перечень юридических действий, которые могут быть оспорены в рамках дела о банкротстве, не ограничен исключительно понятием «сделки», предусмотренным статьей 153 ГК РФ. В целях защиты кредиторов от недобросовестного поведения должника и части его контрагентов, а также в целях соблюдения принципов очередности и пропорциональности удовлетворения требований всех кредиторов потенциально могут оспариваться любые юридические факты, которые негативно влияют на имущественную массу должника (определение ВС РФ от 18.12.2017 № 305-ЭС17-12763 (1, 2)).

К числу подобных фактов могут быть отнесены действия, направленные на исполнение любых обязательств должника; совершенные третьими лицами сделки за счет должника (пункты 1 и 2 постановления № 63); ненормативные правовые акты, оформляющие сделки по отчуждению имущества или прекращению имущественных прав должника (постановление Президиума ВАС РФ от 18.11.2008 № 10984/08) и проч.

Разрешая вопрос о допустимости оспаривания кредитором отказа находящегося с ним в обязательственных отношениях несостоятельного лица от иска к контрагенту, необходимо определить, может ли такое действие негативно повлиять на конкурсную массу и, как следствие, на имущественные права кредиторов.

Право на отказ от иска (часть 2 статьи 49 Кодекса) вытекает из конституционно значимого принципа диспозитивности гражданского и арбитражного процесса (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.05.2011 № 10-П). Последствием отказа от иска и его принятия судом является недопустимость повторного обращения в суд по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям (часть 3 статьи 151 Кодекса). То есть истец утрачивает свое материальное субъективное право в правоотношениях с ответчиком и, соответственно, те экономические блага, которые являются содержанием этого права.

Таким образом, очевидно, что отказ от иска объективно влияет на состояние конкурсной массы должника в ущерб интересам его кредиторов, а потому подобное действие может быть оспорено по банкротным правилам с соблюдением процессуальной формы, предполагающей оспаривание сделки через обжалование судебного акта, которым эта сделка утверждена.

Указанный порядок обжалования по своей функциональности в отличие от механизма обжалования (пересмотра), закрепленного в главе 37 Кодекса, предполагает возможность приведения новых доводов и представления новых доказательств.

Вынося обжалуемое постановление, суд апелляционной инстанции ограничился лишь проверкой отказа от иска на предмет соблюдения требований процессуального законодательства. В то же время приведенные обществом доводы со ссылкой на специальные положения законодательства о банкротстве, оценки не получили, правовой акт должника, обличенный в процессуальную форму, на предмет наличия признаков подозрительности, не исследован.

Субсидиарная ответственность и убытки

[Определение ВС РФ от 21.05.2021 № 302-ЭС20-23984](#)

При разрешении вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о собственном банкротстве существенное значение имеет установление момента возникновения соответствующей обязанности. Этот момент определяется тем, когда обычный, разумный и добросовестный руководитель, поставленный в ту же ситуацию, что и руководитель должника, должен был осознать такую степень критичности

положения подконтрольной организации, которая объективно свидетельствовала о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования.

Обычный добросовестный и разумный руководитель предприятия, учрежденного в ходе отопительного сезона для обеспечения реализации прав граждан на доступ к социально значимым благам в сфере коммунального обслуживания, спустя короткий промежуток времени (несколько месяцев), прошедший со дня создания этого предприятия, и при отсутствии иной теплоснабжающей организации на территории поселения, не дожидаясь окончания отопительного сезона, не принял бы решение об обращении в суд заявлением о банкротстве возглавляемого им предприятия. Наоборот, грамотный менеджер приступил бы к более детальному анализу ситуации, развивающейся на вновь образованном предприятии.

Для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица недостаточно факта негативного результата реализации плана выхода компании из кризиса. Необходимо исследовать в совокупности следующие обстоятельства: являлся ли план разумным в момент его принятия; когда негативные тенденции, продолжившиеся в ходе реализации плана, привели предприятие в состояние, свидетельствующее о том, что план себя исчерпал. Наличие антикризисной программы (плана) может подтверждаться не только документом, поименованным соответствующим образом, но и совокупностью иных доказательств (например, перепиской с контрагентами, органами публичной власти, протоколами совещаний и т.п.). При этом возложение субсидиарной ответственности допустимо, в частности, когда следование плану являлось явно неразумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах, либо когда план разрабатывался лишь для создания внешней иллюзии принятия антикризисных мер и получения отсрочки с тем, чтобы выиграть время для совершения противоправных действий, причиняющих вред кредиторам.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) предприятия его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности Алиева В.З. – бывшего руководителя предприятия, а также администрации – собственника имущества предприятия.

Судами трех инстанций заявление управляющего удовлетворено частично; с Алиева В.З. в конкурсную массу предприятия в порядке привлечения к субсидиарной ответственности взысканы 9 121 402 рубля 8 копеек; в удовлетворении требования, предъявленного к администрации, отказано.

Предприятие создано на основании постановления собственника его имущества – администрации – от 01.10.2015 для предотвращения срыва отопительного сезона в связи с прекращением деятельности предыдущих ресурсоснабжающих организаций и зарегистрировано в качестве юридического лица 12.10.2015. С момента создания предприятия его руководителем являлся Алиев В.З.

С 23.10.2015 предприятие начало оказывать потребителям городского поселения услуги по теплоснабжению (основной вид деятельности). Постановлением администрации от 26.10.2015 ему рекомендовано применять тарифы на тепловую энергию, установленные для прежних ресурсоснабжающих организаций.

Как установили суды, применение предприятием в период с 23.10.2015 по 31.05.2016 тарифов, установленных для предыдущих ресурсоснабжающих организаций, являлось вынужденной мерой, вызванной необходимостью недопущения социальной напряженности среди потребителей, в число которых входили население и учреждения социальной сферы (учебные и детские учреждения, учреждения здравоохранения и др.).

Определением от 23.03.2017 в отношении предприятия возбуждено дело о банкротстве по заявлению общества «Иркутскэнергосбыт». Решением от 28.09.2017 предприятие признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыта процедура конкурсного производства.

Удовлетворяя требование, предъявленное к Алиеву В.З., суды исходили из того, что у предприятия образовалась задолженность по оплате электроэнергии, поставленной обществом «Иркутскэнергосбыт» в ноябре 2015 года, в сумме 754 640 рублей 87 копеек. По условиям сделки расчеты за этот месяц должны были быть осуществлены не позднее 18.12.2015. Данная задолженность до настоящего времени не погашена.

Как разъяснено в абзаце первом пункта 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих лиц к ответственности при банкротстве», обязанность руководителя по обращению в суд с заявлением о

банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель, находящийся в сходных обстоятельствах, в рамках стандартной управленческой практики, учитывая масштаб деятельности должника, должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 9 Закона о банкротстве.

Таким образом, при разрешении вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о собственном банкротстве существенное значение имеет установление момента возникновения соответствующей обязанности. Этот момент определяется тем, когда обычный, разумный и добросовестный руководитель, поставленный в ту же ситуацию, что и руководитель должника, должен был осознать такую степень критичности положения подконтрольной организации, которая объективно свидетельствовала о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования.

В рассматриваемом случае суды установили, что предприятие было создано для предотвращения угрозы срыва отопительного сезона 2015 – 2016 годов. Основную деятельность (деятельность по теплоснабжению) оно начало осуществлять с конца октября 2015 года, применяя по указанию администрации тарифы, установленные для предыдущих ресурсоснабжающих организаций, что, как отметили суды, являлось вынужденной мерой, вызванной необходимостью недопущения социальной напряженности среди потребителей, к числу которых относились население и учреждения социальной сферы. Суды указали на то, что по итогам 2015 года, то есть спустя 2 месяца после начала деятельности, предприятие стало отвечать признаку недостаточности имущества, а 19.03.2016 на стороне Алиева В.З. возникла обязанность по подаче заявления о банкротстве возглавляемого им предприятия.

Судебная коллегия не может согласиться с выводом судов о том, что обычный добросовестный и разумный руководитель предприятия, учрежденного в середине отопительного сезона для обеспечения реализации прав граждан на доступ к социально значимым благам в сфере коммунального обслуживания, находящийся в той же ситуации, что и Алиев В.З., спустя столь короткий промежуток времени, прошедший со дня создания этого предприятия, и при отсутствии иной теплоснабжающей организации на территории поселения, расположенного в Восточной Сибири, не дожидаясь окончания отопительного сезона, принял бы решение об обращении в суд заявлением о банкротстве возглавляемого им предприятия.

Наоборот, грамотный менеджер приступил бы к более детальному анализу ситуации, развивающейся на вновь образованном предприятии, что соответствует смыслу разъяснений, приведенных в подпункте 2 пункта 3 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». Согласно этим разъяснениям неразумными считаются действия директора, который до принятия решения не предпринял обычных для деловой практики при сходных обстоятельствах мер, направленных на получение информации, необходимой и достаточной для его принятия, в частности, если при имеющихся обстоятельствах разумный директор отложил бы принятие решения до получения дополнительной информации.

По результатам такого анализа не исключается возможность разработки и реализации экономически обоснованного плана, направленного на санацию должника, если его руководитель имеет правомерные ожидания преодоления кризисной ситуации в разумный срок, прилагает необходимые усилия для достижения результата (абзац второй пункта 9 постановления № 53).

Наличие антикризисной программы (плана) может подтверждаться не только документом, поименованным соответствующим образом, но и совокупностью иных доказательств (например, перепиской с контрагентами, органами публичной власти, протоколами совещаний и т.п.). При этом возложение субсидиарной ответственности допустимо, в частности, когда следование плану являлось явно неразумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах, либо когда план разрабатывался лишь для создания внешней иллюзии принятия антикризисных мер и получения отсрочки с тем, чтобы выиграть время для совершения противоправных действий, причиняющих вред кредиторам.

Алиев В.З. обращал внимание на то, что невозможность исполнения предприятием обязательств перед основным кредитором – обществом «Иркутскэнергосбыт» – была обусловлена, помимо прочего, спецификой деятельности должника, работающего в сфере жилищно-коммунального хозяйства, которая нередко характеризуется наличием, с одной стороны, кредиторской задолженности перед поставщиком энергоресурса, с другой стороны, дебиторской задолженности граждан и иных потребителей.

Ранее судебными актами по другому делу было установлено, что предприятие, временно работавшее по тарифам предыдущей теплоснабжающей организации, уже 29.02.2016 обратилось в службу по тарифам Иркутской области с заявлением об установлении ему собственных тарифов.

Алиев В.З. ссылался на то, что он направлял заявки в министерство жилищной политики, энергетики и транспорта Иркутской области на предоставление предприятию субсидий за счет средств областного бюджета в целях возмещения недополученных доходов, возникших в связи с оказанием услуг теплоснабжения, представив в материалы дела, в частности, письма от 26.08.2016 и от 24.04.2017.

Судам следовало оценить эти обстоятельства в совокупности и взаимосвязи, установив, имелся ли у Алиева В.З. план выхода из кризиса, включающий в себя комплекс мер: работа с потребителями - неплательщиками, установление предприятию более высокого тарифа, получение субсидий из областного бюджета. Если такой план имелся, являлся ли он разумным, следовал ли Алиев В.З. этому плану, прилагая необходимые усилия, в какой момент обычному руководителю стало бы ясно, что реализация данного плана не приведет к выходу из кризиса.

Суды в нарушение положений статьи 71 АПК РФ надлежащую оценку представленным Алиевым В.З. доказательствам не дали, отклонив их, по сути, со ссылкой лишь на то, что задолженность перед кредитором (обществом «Иркутскэнергосбыт») продолжала нарастать.

Тот факт, что объем долговых обязательств перед упомянутым кредитором по итогу вырос, является обстоятельством, которое стало очевидным впоследствии. По прошествии времени с момента принятия антикризисного плана, когда оценивающему его лицу уже известен негативный результат реализации этого плана, он, действительно, может показаться неразумным. Однако это не означает, что это же лицо, анализирующее план в момент его принятия, пришло бы к такому же выводу.

При разрешении вопроса о наличии оснований для привлечения директора к субсидиарной ответственности правовое значение имеют иные обстоятельства: являлся ли план разумным в момент его принятия; когда негативные тенденции, продолжившиеся в ходе реализации плана, привели предприятие в состояние, свидетельствующее о том, что план себя исчерпал.

Эти обстоятельства, имеющие существенное значения для правильного разрешения спора, не были установлены судами.

В настоящее время судебная коллегия не может согласиться и с выводами судов об освобождении администрации от ответственности.

Настаивая на привлечении администрации к субсидиарной ответственности, конкурсный управляющий предприятием ссылался на пункт 4 статьи 10 Закона о банкротстве.

Выводы судов по вопросу о привлечении к ответственности Алиева В.З. вступили в явное противоречие с выводами судов по поводу освобождения от ответственности администрации.

Так, суды, с одной стороны, фактически указали на то, что бывший руководитель предприятия должен был практически сразу после его создания подать заявление о банкротстве, поскольку предприятие, применявшее по указанию администрации заниженный тариф, являлось заведомо убыточным, его деятельность не могла привести к никакому иному результату, кроме как к неоплате долгов перед кредиторами.

При этом основной кредитор (общество «Иркутскэнергосбыт») не имел возможности отказаться от заключенного с предприятием договора энергоснабжения, прекратить (приостановить) исполнение обязательств по поставке электрической энергии, то есть изначально находился в положении лица, которое заведомо будет страдать от взаимодействия с предприятием.

С другой стороны, отказывая в привлечении к ответственности администрации, которая эти обстоятельства не могла не осознавать (если они соответствуют действительности), суды исходили из того, что она создала предприятие для предотвращения чрезвычайной ситуации (срыва отопительного сезона), предприятие имело возможность оказывать услуги теплоснабжения, фактически осуществляло деятельность в соответствии с целями, заявленными при его создании.

Между тем, если у учредителя организации не было какой-либо неопределенности относительно рынка и масштабов деятельности нового, созданного им, участника гражданского оборота и уже на начальном этапе ему было заведомо известно, что организация не имеет возможности вести нормальную предпринимательскую деятельность в этой сфере ввиду явного несоответствия полученного ею имущества объему планируемых мероприятий, избранная учредителем модель поведения уже в момент ее выбора приводила к очевидному дисбалансу прав должника и его кредиторов. Такой учредитель не может быть освобожден от субсидиарной ответственности, предусмотренной пунктом 4 статьи 10 Закона о банкротстве.

Более того, по-разному истолковав одни и те же обстоятельства и привлекая вследствие этого к субсидиарной ответственности одно контролирующее лицо и одновременно освобождая от данной ответственности другое, суды тем самым лишили первого солидарного должника по субсидиарной

ответственности возможности получить возмещение от второго по правилам о регрессе (пункт 2 статьи 325 ГК РФ), что недопустимо.

Определение ВС РФ от 25.06.2021 № 308-ЭС21-1740

Несмотря на то, что корпорация предполагает обособление имущества участников (акционеров) для ведения предпринимательской деятельности и является самостоятельным участником гражданского оборота, следует исходить из того, что преимущественно интересы корпорации сводятся именно к интересам всех ее участников и обусловлены ими. Таким образом, в ситуации причинения корпорации вреда, предполагается, что одновременно именно ее участники понесли убытки. Соответственно, в опровержение факта причинения вреда корпорации может быть выдвинут довод о том, что в результате вменяемых действий сами участники не пострадали (либо совершение спорных действий было одобрено участниками). Названный довод может быть принят во внимание, по крайней мере, в ситуации, когда не нарушены права иных заинтересованных лиц (кредиторов корпорации, ее работников, общества и т.д.).

При наличии корпоративного конфликта одно из двух контролирующих лиц могло причинить вред фирме только посредством причинения вреда второму контролирующему лицу. В случае, если одним из участников приводятся обоснованные доводы о том, что второй участник корпорации не понес убытков от действий первого участника, факт причинения вреда фирме не может быть признан установленным, так как никто из ее участников (контролирующих лиц) не понес убытки.

В рамках дела о банкротстве должника фирма обратилась с заявлением о включении в реестр требования о возмещении убытков в размере 190 564 709,05 руб.

Судами апелляционной инстанции и округа требование фирмы признано обоснованным в размере 144 441 155 руб.; в удовлетворении заявления в остальной части отказано. Верховным Судом спор направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Должник являлся единоличным исполнительным органом фирмы с 01.01.2000 по 08.10.2015.

29.12.2010 между фирмой (покупателем) в лице Ярчука А.Н. и компанией Андре Функ (продавцом) заключен предварительный договор купли-продажи техники. Договор заключен на условиях авансирования, именуемом в тексте договора как «положительный баланс».

18.01.2012 между данными сторонами заключен договор купли-продажи № 008-01/2012, от имени фирмы (покупателя) договор подписан Солтановым Р.С., действовавшим на основании доверенности.

В счет оплаты поставляемых компанией Андре Функ товаров фирма перечислила 6 699 100 евро.

Обращаясь с заявлением по настоящему обособленному спору, фирма отмечала, что цена указанного товара (техники) была намеренно завышена с целью формирования переплаты аванса, при этом образовавшейся разницей должник (руководитель фирмы) распорядился по своему усмотрению, чем причинил убытки фирме.

31.12.2012 в письме к продавцу техники Ярчук А.Н. от имени фирмы сообщил, что у компании Андре Функ сформировался «положительный баланс» из остатков перечисленных обществом денежных средств в размере 2 674 821, 41 евро.

Должник распорядился указанной суммой следующим образом: он указал на необходимость перечисления 325 тыс. евро и 1 725 тыс. евро соответственно в пользу двух компаний МНМ. Оставшаяся сумма в размере 152 321,43 евро предоставлена компании Андре Функ в качестве займа. В письме от 26.12.2013, адресованном компаниям МНМ, должник указал на необходимость осуществить возврат денежных средств в сумме 2 120 тыс. евро до 01.02.2019 на его расчетный счет.

В письме от 03.09.2012, адресованном компании, должник сообщил о необходимости возврата положительного баланса по предварительному договору купли-продажи от 29.12.2010 в срок до 30.01.2018.

Суды отклонили возражения Ярчука А.Н. о фальсификации писем, указав, что подлинность подписи Ярчука А.Н. на указанных письмах подтверждена заключением эксперта в рамках уголовного дела.

При этом судами также учтены показания свидетеля Андре Функа (глава компании Андре Функ) в рамках уголовного дела, согласно которым по указанию Ярчука А.Н. в пользу компаний МНМ осуществлялось перечисление 2 050 тыс. евро, при этом суды отметили, что Ярчук А.Н. является участником названных компаний.

Соответственно, суды сочли подтвержденными требования фирмы о взыскании с должника как ее бывшего директора указанной суммы убытков.

Отказывая в удовлетворении требований в части суммы 479 499,98 евро, апелляционный суд пришел к выводу, что фирма не представила доказательств распоряжения должником в свою пользу денежными средствами в этом размере.

В рамках настоящего спора фирмой заявлено требование о взыскании убытков с Ярчука А.Н. как ее бывшего руководителя. К подобной категории споров применяются общие положения гражданского законодательства (статьи 53, 56 ГК РФ), специальные нормы корпоративного законодательства (статья 44 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»), а также разъяснения, изложенные в постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

По мнению истца, доводы которого поддержаны судами, Ярчук А.Н., пользуясь положением руководителя, причинил убытки фирме следующим образом: фактически присвоил часть денежных средств, выделенных на приобретение оборудования по внешнеторговому контракту, посредством завышения цены и перечисления переплаты в пользу подконтрольных ему организаций.

Факт несоответствия рыночной цены оборудования соответствующим условиям внешнеторгового соглашения установлен судами.

Вместе с тем для вывода о том, что в результате подобного завышения фирме реально причинены убытки, необходимо подтвердить факт уменьшения ее имущественной массы вследствие поведения директора.

Как указывал Ярчук А.Н. и не оспаривалось иными участвующими в деле лицами, в спорный период фирма (несмотря на то, что формально ее участниками были оффшорные структуры) была подконтрольна двум лицам – Ярчуку А.Н. и Солтанову Р.С. Фирма использовалась названными физическими лицами для осуществления совместной деятельности, ведения общего бизнес-проекта. Ярчук А.Н. также отмечал, что в фирме фактически была реализована модель управления, предполагающая существование двух директоров: формально Ярчук А.Н. являлся единственным руководителем, Солтанов Р.С. же действовал от имени общества по доверенности. В частности, именно Солтановым Р.С. подписан спорный внешнеторговый контракт, невыгодность которого вменяется Ярчуку А.Н. в рамках настоящего обособленного спора.

Впоследствии, как отмечал Ярчук А.Н., между бизнес-партнерами произошел корпоративный конфликт, в результате которого начались многочисленные судебные споры, и Ярчук А.Н. был вынужден эмигрировать, в связи с чем фирма перешла под управленческий контроль Солтанова Р.С. Само дело о банкротстве и в частности настоящий обособленный спор, по мнению Ярчука А.Н., обусловлены возникшим между сторонами корпоративным конфликтом.

Названные доводы в нарушение положений статей 71, 168, 170 АПК РФ не проверены судами, в то время как они имели существенное значение для правильного разрешения спора. При обоснованности названных доводов судебная коллегия исходит из следующего.

Несмотря на то, что корпорация предполагает обособление имущества участников (акционеров) для ведения предпринимательской деятельности и является самостоятельным участником гражданского оборота, следует исходить из того, что преимущественно интересы корпорации сводятся именно к интересам всех ее участников и обусловлены ими. С необходимостью реализации общих интересов участников и достижением общей цели и связывается создание участниками самой корпорации. Указанная позиция нашла отражение в судебной практике (пункт 17 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утвержденного Президиумом ВС РФ 25.12.2019).

Таким образом, в ситуации причинения корпорации вреда, предполагается, что одновременно именно ее участники понесли убытки. Соответственно, в опровержение факта причинения вреда корпорации может быть выдвинут довод о том, что в результате вменяемых действий сами участники не пострадали (либо совершение спорных действий было одобрено участниками). Названный довод может быть принят во внимание, по крайней мере, в ситуации, когда не нарушены права иных заинтересованных лиц (кредиторов корпорации, ее работников, общества и т.д.).

Применительно к обстоятельствам настоящего дела это означает следующее. При наличии корпоративного конфликта Ярчук А.Н. как одно из двух контролирующих лиц мог причинить вред фирме только посредством причинения вреда второму контролирующему лицу – Солтанову Р.С.

Вместе с тем, Ярчук А.Н. при рассмотрении настоящего обособленного спора отмечал, что мажоритарная доля в компаниях МНМ, которым была перечислена сумма переплаты, принадлежит не семье Ярчука А.Н., а Солтанову Р.С. и членам его семьи, о чем свидетельствуют имеющиеся в материалах дела

выписки о составе участников. Однако судами в нарушение положений статей 71, 168, 170 АПК РФ названный довод также не проверен.

При установленной обоснованности указанного довода следует, что сумма переплаты по договору была изъята из имущественной массы фирмы, подконтрольной Ярчуку А.Н. и Солтанову Р.С., и впоследствии переведена компаниям МНМ, также подконтрольным Ярчуку А.Н. и Солтанову Р.С., в связи с чем факт причинения вреда фирме не может быть признан установленным, так как никто из ее участников (контролирующих лиц) не понес убытки.

По этой же причине являются преждевременными и выводы судов в части применения правил об исковой давности. Суды исходили из того, что Солтанов Р.С. как второй участник должника не знал о негласных договоренностях руководителей сторон внешнеторгового контракта по поводу завышения цены оборудования. Вместе с тем, если переплата была перечислена в пользу подконтрольных Солтанову Р.С. компаний МНМ, то данный вывод является ошибочным, тем более что и от имени фирмы (как покупателя) подписывал спорный контракт именно Солтанов Р.С.

Таким образом, выводы судов о наличии оснований для привлечения Ярчука А.Н. как бывшего руководителя фирмы к ответственности сделаны в отсутствие установления обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения спора.

При новом рассмотрении суду следует учесть изложенное, проверить доводы Ярчука А.Н. о лицах, контролировавших фирму в спорный период, наличии корпоративного конфликта, а также о лицах, имеющих право осуществлять контроль в отношении компаний МНМ.

Залог и поручительство в банкротстве

[Определение ВС РФ от 11.05.2021 № 307-ЭС20-21240](#)

1. Если в договоре залога не указан срок, на который он дан, залог лица, не являющегося должником по обязательству, прекращается при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного обязательства не предъявит иск к залогодателю.

2. В случае, если кредитор, прежде чем обратиться с заявлением о включении в реестр с требованием, вытекающим из такого договора залога, ранее обращался с заявлением о взыскании задолженности и обращении взыскания на предмет залога в суд общей юрисдикции и данное обращение было подано в пределах срока действия залога, но впоследствии рассмотрение спора было прекращено по обстоятельствам, за которые залогодержатель не отвечает (в связи с впадением залогодателя в банкротство и отпадением оснований для продолжении спора в суде общей юрисдикции), и впоследствии залогодержатель обратился с требованием о включении своего требования в РТК залогодателя как обеспеченного залога, такому кредитору-залогодержателю не может быть отказано во включении его требований в реестр со ссылкой на то, что с момента начала просрочки по обеспеченному требованию прошло больше года. . Требование о включении в РТК залогодателя - это, по сути, продолжение спора, начатого ранее в суде общей юрисдикции. Иное разрешение данного вопроса перекладывало бы на кредитора юридические риски, связанные с введением процедур банкротства в отношении выдавших обеспечение физических лиц, что недопустимо. Поскольку кредитор потребовал в судебном порядке обращения взыскания на предмет залога до истечения срока действия обеспечения, обеспечительный должник продолжает нести ответственность.

В рамках дела о несостоятельности общества банк обратился в суд с заявлением о включении его требования в сумму 19 763 500 рублей в реестр требований кредиторов общества как обеспеченного залогом его имущества.

Судами первой инстанции и округа в удовлетворении заявления отказано.

ПАО «БИНБАНК» (правопреемник банка) и общество «Комплексные энергетические решения» (заемщик) заключили два договора: от 09.12.2016, на основании которого заемщику предоставлен кредит в сумме 38 293 300 рублей (далее – первый кредитный договор); от 23.03.2017, на основании которого заемщику предоставлен кредит в сумме 350 000 000 рублей (далее – второй кредитный договор).

С целью обеспечения исполнения обязательств, принятых заемщиком по кредитным договорам, заключен ряд обеспечительных сделок, в том числе: два договора об ипотеке от 09.12.2016 с обществом

(залогодателем) (далее – первый и второй договоры об ипотеке), два договора поручительства от 09.12.2016 и от 23.03.2017 с Барановым А.М., два договора поручительства от 09.12.2016 и от 23.03.2017 с Лукашенко Игорем Борисовичем. В связи с ненадлежащим исполнением обязательств заемщиком и лицами, предоставившими обеспечение, банк 11.05.2018 обратился в Кунцевский районный суд с иском о взыскании задолженности по первому и второму кредитным договорам и об обращении взыскания на имущество, заложенное по первому и второму договорам об ипотеке, в том числе к Баранову А.М., Лукашенко И.Б., обществу. 16.05.2018 исковое заявление возвращено банку, как он указывает, по мотиву несоблюдения правил о подсудности.

После этого (15.06.2018) банк подал аналогичный иск в Невский районный суд, 05.07.2018 иск принят к производству.

В ходе рассмотрения Невским районным судом упомянутого дела иски к Баранову А.М. и Лукашенко И.Б. оставлены без рассмотрения в связи с тем, что: решением от 06.09.2018 в отношении Баранова А.М. введена процедура реализации имущества; определением от 06.08.2018 в отношении Лукашенко И.Б. введена процедура реструктуризации долгов.

Впоследствии исковое заявление в части, касающейся оставшихся ответчиков, являющихся юридическими лицами, определением Невского районного суда от 28.01.2019 передано по подсудности в Кунцевский районный суд.

Кунцевский районный суд определением от 30.04.2019 производство по иску банка прекратил со ссылкой на то, что среди сторон спора остались только юридические лица, их спор носит экономический характер и подлежит разрешению арбитражным судом.

Определением от 15.05.2019 возбуждено производство по делу о несостоятельности общества.

Определением того же суда от 26.06.2019 в отношении общества введена процедура наблюдения, в ходе которой (12.08.2019) банк обратился в суд с заявлением о включении его требования в сумму 19 763 500 рублей в реестр требований кредиторов общества как обеспеченного залогом имущества.

Согласно абзацу второму пункта 1 статьи 335, пункту 6 статьи 367 ГК РФ, если в договоре залога не указан срок, на который он дан, залог лица, не являющегося должником по обязательству, исполнение которого обеспечено залогом, прекращается при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного обязательства не предъявит иск к залогодателю.

В соответствии со сложившейся судебной практикой иски, предъявляемые кредитором – юридическим лицом одновременно к заемщику, залогодателям и поручителям, часть из которых являются юридическими лицами, а часть – физическими лицами, в том числе участниками, акционерами солидарных должников или иными лицами, контролирующими их деятельность, в силу части 4 статьи 22 ГПК РФ подведомственны судам общей юрисдикции (пункт 1 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, утвержденного Президиумом ВС РФ 22.05.2013).

Действуя в соответствии с этой практикой, банк, по меньшей мере, 15.06.2018 предъявил иск о взыскании задолженности по кредитным договорам с заемщика, поручителей и об обращении взыскания на заложенное обществом имущество в суд общей юрисдикции с соблюдением правил о компетенции судов. Невский районный суд принял иск банка к производству. Само по себе принятие данным районным судом дела к производству с нарушением правил о подсудности не могло стать причиной прекращения производства по иску банка (статья 33 ГПК РФ). В момент подачи иска в отношении поручителей – физических лиц (Баранова А.М. и Лукашенко И.Б.) не были введены какие-либо процедуры банкротства, что исключало необходимость соблюдения банком специального порядка предъявления к ним имущественных требований, установленного законодательством о несостоятельности. Последующее оставление районным судом исковых требований к упомянутым физическим лицам – поручителям без рассмотрения произошло по причинам, за которые банк не отвечает, поэтому соответствующие обстоятельства не могли быть поставлены ему в вину.

Как установили суды, срок действия залога истек 31.10.2018 (по второму кредитному договору) и 31.05.2019 (по первому кредитному договору), то есть на момент подачи банком иска в Невский районный суд этот срок не истек.

Положения абзаца второго пункта 1 статьи 335, пункта 6 статьи 367 ГК РФ направлены на недопущение бессрочного существования обязательства залогодателя. Они нацелены на устранение неопределенности по поводу срока залога, приводящей к непропорциональному ограничению возможности залогодержателя распоряжаться своим имуществом.

В данном случае какой-либо неопределенности у общества не возникло. В пределах срока действия залога банк предпринял надлежащие действия по реализации, принадлежащих ему прав залогодержателя, обратившись в суд общей юрисдикции с исковым требованием к обществу об обращении взыскания на заложенное имущество. Представитель банка участвовал в судебных заседаниях, от притязаний к обществу не отказывался. В суде общей юрисдикции защита прав и законных интересов кредитора не состоялась по причинам, не связанным собственно с неправомерными действиями банка. При этом длительность судебного разбирательства между кредитором и залогодателем не рассматривается законодателем в качестве основания для прекращения залога.

Вопреки выводам судов первой инстанции и округа, период времени между прекращением производства по требованию банка к обществу в районном суде и предъявлением им того же требования в рамках дела о банкротстве общества не являлся неразумным. Настоящий обособленный спор это, по сути, продолжение спора, начатого в суде общей юрисдикции. Иное разрешение данного вопроса перекладывало бы на кредитора юридические риски, связанные с введением процедур банкротства в отношении выдавших обеспечение физических лиц, что недопустимо. Поскольку кредитор потребовал от общества в судебном порядке исполнения после наступления срока исполнения обеспеченного обязательства, но до истечения срока действия обеспечения, последнее как обеспечительный должник продолжает нести ответственность.

С учетом изложенного, у суда округа не имелось оснований для отмены постановления суда апелляционной инстанции, которым требование банка включено в реестр требований кредиторов общества как обеспеченное залогом.

Банкротство гражданина

[Определение ВС РФ от 18.05.2021 № 301-ЭС20-19192](#)

Должник вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о собственном банкротстве также в том случае, если задолженность возникла в связи со взысканием денежных средств, полученных в результате преступления. Закон предоставляет гражданам право на возбуждение дела о собственном банкротстве, независимо от природы и характера имеющейся задолженности, в том числе, когда обращающееся в суд лицо осуждено за совершение преступления. Банкротство физических лиц предназначено не только для потребителей, чьи долги по итогам процедуры могут быть списаны, но и для всех иных граждан, испытывающих финансовые затруднения. То, что долг, возникший по результатам преступления, не может быть списан по итогам банкротства, не препятствует возбуждению процедуры банкротства.

Брижатая А.М. обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании ее банкротом.

Судами трех инстанций заявление должника признано необоснованным, производство по делу о несостоятельности (банкротстве) прекращено.

Заявление Брижатай А.М. о собственном банкротстве мотивированно наличием непогашенной свыше трех месяцев кредиторской задолженности, установленной вступившим в законную силу решением от 13.11.2017 о взыскании в солидарном порядке с ряда физических лиц, в том числе Брижатай А.М., в доход Российской Федерации 338 025 412,50 руб. доходов (статья 169 ГК РФ), полученных в результате совершения преступления, предусмотренного частью 3 статьи 171.2 УК РФ (незаконные организация и проведение азартных игр).

Положения пункта 2 статьи 213.4 Закона о банкротстве предоставляют должнику – физическому лицу право на обращение в арбитражный суд с заявлением о собственном банкротстве при наличии следующих условий: - гражданин очевидно не в состоянии исполнить денежные обязательства в установленный срок; - гражданин отвечает признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества (пункт 3 статьи 213.6 Закона).

Данное право принадлежит гражданину даже при наличии одного кредитора, является безусловным и не может быть ограничено иными критериями. Процедура несостоятельности (наряду с исполнительным производством) является механизмом, в рамках которого происходит расчет должников со своими кредиторами при содействии государства, при этом государство возможность проведения данной процедуры гарантирует и обеспечивает как для должников, так и для кредиторов.

Суд округа, установив дополнительные критерии для введения процедуры несостоятельности (наличие более чем одного кредитора, возможность освобождения от долга по итогам процедуры), ограничил данное право гражданина в отсутствие законных оснований, что фактически является нарушением права на судебную защиту (статья 46 Конституции РФ). Вместе с тем, Российская Федерация как правовое государство в лице судебной власти предоставляет гражданам право на судебную защиту, в частности, право на возбуждение дела о собственном банкротстве, независимо от природы и характера имеющейся задолженности, в том числе, когда обращающееся в суд лицо осуждено за совершение преступления. Банкротство физических лиц предназначено не только для потребителей, чьи долги по итогам процедуры могут быть списаны, но и для всех иных граждан, испытывающих финансовые затруднения.

При этом вопрос о том, может ли должник быть освобожден от своего обязательства, в принципе не являлся и не мог являться предметом рассмотрения на стадии проверки обоснованности требования, названный вопрос подлежит рассмотрению только по итогам процедуры несостоятельности при завершении дела о банкротстве (статья 213.28 Закона о банкротстве).

Таким образом, признав заявление Брижатовой А.М. необоснованным и прекратив производство по делу по основаниям, не предусмотренным в законе, суды первой, апелляционной и кассационной инстанций ограничили ее доступ к правосудию, что является недопустимым.

[Определение ВС РФ от 07.06.2021 № 307-ЭС21-96¹](#)

В случае, если в отношении должника-гражданина постановлен обвинительный приговор в особом порядке ввиду согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением в том, что должник-обвиняемый наряду с другими лицами осуществлял преступную деятельность по систематическому хищению денежных средств неких потерпевших, сам факт неуказания в приговоре конкретного перечня таких потерпевших не может являться основанием для отказа во включении в реестр требований кредиторов должника-обвиняемого требований конкретного потерпевшего. Поскольку не имеется оснований для освобождения должника-обвиняемого от внедоговорной ответственности за вред, причиненный кредитору-потерпевшему.

Для разрешения вопроса о том, обратился ли кредитор в рамках дела о банкротстве с пропуском срока на заявление требования к должнику, необходимо установить, знал ли объективно кредитор до вынесения приговора о том, что должник является сопричинителем вреда, раскрыл ли должник информацию о своем банкротстве при рассмотрении исков о взыскании с него денежных средств.

Беляков В.Р. в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) Ходыкина Д.Б. обратился с заявлением о включении его требования в сумму 686 709,58 руб. в реестр.

Судами трех инстанций в удовлетворении ходатайства Белякова В.Р. о восстановлении пропущенного срока подачи заявления отказано, его требование к Ходыкину Д.Б. признано необоснованным. Верховным Судом спор направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Решением суда от 25.04.2018 Ходыкин Д.Б. признан несостоятельным (банкротом).

С заявлением о включении требования в реестр Беляков В.Р. обратился 11.02.2020, заявив ходатайство о восстановлении пропущенного срока подачи этого заявления.

В обоснование данного требования Беляков В.Р. представил копии договора от 02.03.2015 о передаче в пользу кредитного потребительского кооператива личных сбережений в сумме 586 709,58 руб. под 28,9 процента годовых с дополнительным соглашением на сумму 100 000 рублей, квитанций к приходным кассовым ордерам. Также Беляков В.Р. представил копию приговора от 08.05.2019 в отношении Ходыкина Д.Б., которым установлено, что последний наряду с другими лицами осуществлял преступную деятельность по систематическому хищению денежных средств, принадлежащих пайщикам кооператива.

Согласно пунктам 1 и 2 статьи 1064 ГК РФ вред, причиненный имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред; такое лицо освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. При этом лица, совместно причинившие вред, по общему правилу, отвечают перед потерпевшим солидарно (абзац первый статьи 1080 ГК РФ). Действия

¹ См. также [Определение ВС РФ от 07.06.2021 № 307-ЭС21-96 \(3\)](#), [Определение ВС РФ от 07.06.2021 № 307-ЭС21-96 \(2\)](#)

причинителей вреда подлежат квалификации как совместные, если имело место соучастие в любой форме, в том числе соисполнительство, пособничество и т.д.

В отношении Ходыкина Д.Б. постановлен обвинительный приговор в особом порядке ввиду согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Согласно этому приговору преступный умысел группы, в которую входил Ходыкин Д.Б., заключался в создании организации (кооператива) с разветвленной сетью филиалов для привлечения путем обмана денежных средств граждан и их хищения. Кооператив не намеревался вести реальную хозяйственную деятельность. Ходыкин Д.Б. в составе группы лиц осуществлял преступную деятельность в период с 06.02.2011 по 22.08.2017, являясь главным бухгалтером кооператива. В приговоре отмечено, что роль Ходыкина Д.Б. сводилась к распределению похищенных денежных средств, полученных от членов кооператива под видом займов, в том числе планированию финансовой деятельности, сбору информации о движении средств по счетам всех лиц, подконтрольных членам преступной группы, непосредственному получению денежных средств в кассе кооператива без намерения их реального возврата.

Подача Ходыкиным Д.Б. ходатайства о постановлении приговора в особом порядке означает, в частности, его согласие с тем, что кооператив не был реальным участником экономической деятельности. Он служил лишь «прикрытием» для мошеннических действий контролировавших его физических лиц, направленных на хищение денежных средств граждан. Ходыкин Д.Б. выразил согласие и с тем, как был определен круг его обязанностей в обвинительном заключении, признав себя соучастником противоправных действий.

Обстоятельства, описанные в приговоре, характеризуют деятельность кооператива в целом. Они относятся ко всем рядовым гражданам, передавшим личные накопления в кооператив в период времени, упомянутый в приговоре. Само по себе неуказание того или иного гражданина в приговоре в качестве потерпевшего, гражданского истца не свидетельствует о том, что лица, контролировавшие кооператив, привлекали его взнос с иной целью, отличной от генеральной цели создания кооператива – завладение чужим имуществом путем обмана.

Рассматривая такое условие деликтной ответственности как наличие причинно-следственной связи между вредом и противоправными действиями, судам следовало учесть, к каким последствиям в обычных условиях могло привести подобное противоправное поведение, имея в виду, что если возникновение вреда, возмещения которого требует потерпевший, является обычным последствием допущенного правонарушения, наличие причинно-следственной связи предполагается (по смыслу разъяснений, изложенных в абзаце втором пункта 5 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств»). Привлекаемое к ответственности лицо не лишено возможности опровергнуть доводы потерпевшего о наличии причинно-следственной связи, например, путем представления доказательств существования иной причины уменьшения имущественной массы последнего.

Обычно организация, созданная исключительно для хищения денежных средств граждан под видом их привлечения на условиях займа с высокой процентной ставкой, получая деньги от того или иного гражданина, не обособляет их от денежных средств, переданных другими потерпевшими; происходит смешение похищенных средств и поэтому в дальнейшем при их распределении сами члены преступной группы не могут идентифицировать, чьим именно имуществом они распоряжаются, то есть вред причиняется всей группе обманутых граждан.

В рассматриваемом случае Беляков В.Р. обращал внимание на то, что именно в головное подразделение кооператива в указанный в приговоре период времени он внес личные сбережения. В свою очередь, Ходыкин Д.Б., финансовый управляющий его имуществом, иные заинтересованные лица не привели свидетельств того, что контролирующие кооператив лица распорядились предоставлением, полученным от Белякова В.Р., нехарактерным для сложившейся ситуации способом.

С учетом изложенного, у судов не имелось оснований для освобождения Ходыкина Д.Б. от внедоговорной ответственности за вред, причиненный Белякову В.Р., по приведенным ими мотивам.

Как полагал Беляков В.Р., до вынесения приговора он объективно не знал о том, что Ходыкин Д.Б., формально занимавший должность главного бухгалтера, является сопричинителем вреда, и поэтому не мог предъявить к нему какое-либо требование. При этом в рамках уголовного дела были разрешены гражданские иски ряда граждан о возмещении Ходыкиным Д.Б. вреда. В приговоре, которым удовлетворены данные гражданские иски, вынесенном после введения в отношении Ходыкина Д.Б. процедуры реализации имущества, не отражались сведения о банкротстве осужденного, последний эту информацию не раскрыл,

тогда как по общему правилу, закрепленному в пункте 4 статьи 213.24 Закона о банкротстве, требования кредиторов по денежным обязательствам в это время могли быть предъявлены к Ходыкину Д.Б. только в рамках дела о его банкротстве. Суды не проверили, имел ли Беляков В.Р. разумные ожидания относительно того, что процедуры банкротства не применяются к Ходыкину Д.Б. с учетом разрешения судом общей юрисдикции по существу предъявленных к обвиняемому исков о возмещении вреда.

Прочие вопросы

[Определение ВС РФ от 21.05.2021 № 303-ЭС20-228012](#)

Порядок рассмотрения спора, направленного на прекращение права аренды должника (в рамках либо не в рамках банкротства), зависит от того, является ли это право действительным активом, который подлежит реализации для соразмерного удовлетворения требований кредиторов несостоятельного арендатора.

Если при наличии требования закона и/или договора о необходимости наличия согласия арендодателя на передачу арендатором прав и обязанностей по договору аренды третьему лицу, воля арендодателя направлена на прекращение права аренды и возврат имущества собственнику, арендодатель возражает относительно дачи должнику-арендатору согласия на перенаем, и это возражение не может быть преодолено, в том числе путем судебного принуждения, право аренды не может рассматриваться в качестве актива должника, который он мог свободно ввести в оборот путем отчуждения за плату и тем самым удовлетворить требования кредиторов. В таком случае кредиторы должника не могут иметь разумных ожиданий относительно того, что собственник (в том числе публичный) наверняка даст согласие на перенаем, и их требования вне всякого сомнения будут удовлетворены путем продажи права аренды. Таким образом, предъявленный иск о расторжении подобного договора аренды не затрагивает права и законные интересы кредиторов должника, в связи с чем не имеется оснований для вывода о необходимости его рассмотрения в деле о банкротстве арендатора.

Управление лесами (далее – управление; в настоящее время переименовано в комитет лесного хозяйства) обратилось в арбитражный суд с иском к предприятию «Аркаим» о расторжении договора аренды лесного участка от 12.12.2008 и возврате лесного участка.

Судами трех инстанций иск управления оставлен без рассмотрения как подлежащий рассмотрению в рамках дела о банкротстве предприятия «Аркаим».

12.12.2008 Правительство Хабаровского края (арендодатель) и предприятие «Аркаим» (арендатор) заключили договор аренды, по условиям которого предприятию «Аркаим» во временное пользование до 13.07.2025 передан лесной участок.

Определением от 01.03.2013 возбуждено дело о банкротстве предприятия «Аркаим», 27.05.2014 в отношении предприятия «Аркаим» введено наблюдение, 25.01.2016 – внешнее управление, а 11.11.2016 оно признано банкротом, открыто конкурсное производство.

Сославшись на невыполнение предприятием «Аркаим» предусмотренных договором аренды мероприятий по воспроизводству лесов на арендуемом им участке, Правительство в лице управления обратилось в арбитражный суд с иском к предприятию «Аркаим» о досрочном расторжении названного договора аренды.

Согласно статье 131 Закона о банкротстве имущество должника, имеющееся на день открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу, если иное не установлено законом.

По общему правилу со дня принятия судом решения о признании должника банкротом все требования кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, иные имущественные требования подлежат предъявлению и рассмотрению только в деле о банкротстве (абзац 7 пункта 1 статьи

² См. также [Определение ВС РФ от 21.05.2021 № 303-ЭС20-21785](#), [Определение ВС РФ от 21.05.2021 № 303-ЭС20-21784](#), [Определение ВС РФ от 20.05.2021 № 303-ЭС20-22258](#), [Определение ВС РФ от 20.05.2021 № 303-ЭС20-23128](#), [Определение ВС РФ от 20.05.2021 № 303-ЭС20-22437](#), [Определение ВС РФ от 20.05.2021 № 303-ЭС20-22435](#)

126 Закона о банкротстве, пункт 34 постановления № 35). Данный процессуальный механизм направлен на создание условий равной правовой защиты интересов должника, его контрагентов и кредиторов, чьи притязания затрагивают конкурсную массу, предоставляет им возможность доказать свою позицию в открытом состязательном процессе.

По смыслу приведенных норм порядок рассмотрения спора, направленного на прекращение права аренды должника, зависит от того, является ли это право действительным активом, который подлежит реализации для соразмерного удовлетворения требований кредиторов несостоятельного арендатора.

Данная правовая позиция изложена в пункте 44 Обзора судебной практики ВС РФ № 4 (2018), утвержденного Президиумом ВС РФ 26.12.2018 (определение ВС РФ от 08.09.2016 № 305-ЭС18-8136), а также в определении ВС РФ от 08.08.2016 № 309-ЭС16-4636.

В соответствии с пунктом 2 статьи 71 Лесного кодекса предоставление юридическим лицам в аренду лесных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется в соответствии с Лесным кодексом.

В силу пункта 3 статьи 71 Лесного кодекса к договору аренды лесного участка применяются положения об аренде, предусмотренные ГК РФ, если иное не установлено Лесным кодексом.

Согласно пункту 2 статьи 615 ГК РФ арендатор вправе с согласия арендодателя передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем), если иное не установлено данным Кодексом, другим законом или иными правовыми актами.

Подпунктом «г» пункта 12 спорного договора аренды предусмотрено, что арендатор вправе передавать свои права и обязанности по договору другим лицам с согласия арендодателя.

Таким образом, к спорным правоотношениям подлежали применению правила пункта 2 статьи 615 ГК РФ, и для передачи предприятием прав и обязанностей по договору аренды требовалось согласие арендодателя в силу императивного требования закона и условий договора.

Приведенная правовая позиция по передаче прав и обязанностей по договору аренды лесного участка, заключенному в момент действия указанной редакции Лесного кодекса, с согласия арендодателя, соответствует позиции, изложенной в определениях ВС РФ от 26.07.2016 № 302-ЭС15-19746, от 01.09.2020 № 305-ЭС20-6940.

Такое согласие получено не было, а молчание или бездействие не считаются согласием на совершение сделки, поскольку иное не установлено законом. Более того, предприятие «Аркаим» за получением согласия к арендодателю не обращалось, что подтверждено представителями конкурсного управляющего как при рассмотрении дела в судах трех инстанций, так и в судебном заседании ВС РФ.

Из материалов дела, искового заявления и объяснений представителей истца в судах всех инстанций следует, что воля арендодателя направлена на прекращение права аренды и возврат имущества собственнику.

Кроме того, субъектом материально-правовых отношений, связанных с предоставлением в аренду лесных участков публичной собственности, является само публично-правовое образование - Российская Федерация, от имени и в интересах которого действуют специально уполномоченные органы государственной власти (пункт 1 статьи 124 Гражданского кодекса). Управление, действуя от имени и в интересах Российской Федерации в гражданских правоотношениях, не обязано давать согласие на совершение сделки (абзац первый пункта 54 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой ГК РФ"). Поскольку в рассматриваемом случае управление возражает относительно дачи предприятию «Аркаим» согласия на перенаем и это возражение не может быть преодолено, в том числе путем судебного принуждения, для правильного разрешения настоящего дела не имеет правового значения то, как урегулирован порядок рассмотрения вопросов по арендным правоотношениям в административном регламенте.

При таких обстоятельствах право аренды лесного участка не могло рассматриваться в качестве актива предприятия «Аркаим», который оно могло свободно ввести в оборот путем отчуждения за плату и тем самым удовлетворить требования кредиторов. В силу как нормативного, так и договорного регулирования правоотношений по аренде лесных участков кредиторы предприятия «Аркаим» не имели разумных ожиданий относительно того, что публичный собственник наверняка даст согласие на перенаем, и их требования вне всякого сомнения будут удовлетворены путем продажи права аренды.

Таким образом, предъявленный управлением иск о расторжении договора аренды лесного участка не затрагивает права и законные интересы кредиторов должника, поэтому не имелось оснований для вывода о необходимости его рассмотрения в деле о банкротстве предприятия «Аркаим».

IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:

1. Книги

[Морхат П. Правоотношения и юридическая ответственность в сфере несостоятельности \(банкротства\)](#) (Юстицинформ, 2021)

[Ткачев А. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации за 2019-2020 гг по делам о банкротстве](#) (Юстицинформ, 2021)

[Банкротство и финансовое оздоровление субъектов экономики : монография / А. Н. Ряховская \[и др.\]; под редакцией А. Н. Ряховской](#) (Юрайт, 2021)

2. Статьи

Журнал "Арбитражная практика для юристов"

Май

[Набережный А. Арбитражный управляющий нарушил закон. Когда его можно отстранить](#)

[Антипенко Н. Должник пытается сохранить сделку через обычную хозяйственную деятельность. Что проверить юристу](#)

[Ковалев Е. Залог в преддверии банкротства. Ключевые маркеры для оспаривания сделки](#)

[Кодоев А. Текущие платежи. Когда можно изменить их очередность](#)

[Рябцев В. Процедуру банкротства вели несколько управляющих. Как суд распределит их вознаграждение](#)

[Шабанов Р. Субсидиарная ответственность «центра прибыли». Ключевые позиции судов](#)

[Батурин А. Требования кредитора перешли к аффилированному лицу. Когда это изменит их очередность](#)

[Дудкин Н. Неосновательное обогащение или убытки. Что выбрать принципалу в споре с бенефициаром](#)

[Шестало С. Банкротство индивидуального предпринимателя в судебном и внесудебном порядке](#)

[Романенко Р. Банкротство кредитных организаций](#)

Июнь

[Саликов М. Единственное жилье должника: КС отменил абсолютный исполнительский иммунитет](#)

[Солодовникова Л. Замещение активов должника. Руководство для кредиторов](#)

[Спиридонов А. Договор поручительства как сделка с предпочтением. Ключевые позиции судов](#)

[Жук С. Отстранение руководителя должника в наблюдении: основания и последствия](#)

[Орлов Е. Обеспечительные меры в отношении контролирующих лиц. Как доказать суду их обоснованность](#)

[Клинова К. Оспаривание сделок должника. Как суды исчисляют сроки исковой давности](#)

[Снегова Д. Оспаривание договора оказания услуг в банкротстве: ключевые факторы для суда](#)

[Набережный А., Черкасова В. Должник выдал поручительство и вывел свои активы. Когда получится оспорить сделку](#)

[Тихонова В. Повторные иски к контролирующим лицам. Когда суд сочтет их тождественными](#)

[Коротков Ю. Как составить заявление о вступлении в дело о банкротстве](#)

Журнал "Юрист компании"

Май

[Манина А. Кто последний? Правительство предлагает изменить очередность кредиторов при банкротстве](#)

[Широков Д. Банкротство ИП](#)

[Романенко Р. Криптовалюта в конкурсной массе должника](#)

[Банкротство банка: что предусмотреть вкладчику](#)

Июнь

[Самарина Ю. Когда директору не придется заявлять о банкротстве, если есть долги, и еще пять выводов из обзора ВС](#)

Журнал "Закон"

Май

[Исполнительский иммунитет в отношении единственного жилья: разрубил ли Конституционный Суд гордиев узел?](#)

Журнал "Хозяйство и право"

Июнь

[Османова Д. Обоснованная интервенция в условиях несостоятельности \(банкротства\) должника](#)

Журнал "Вестник экономического правосудия"

Май

[Стасюк И. Субсидиарная ответственность компании — «центра концентрации прибыли»](#)

Июнь

[Соболев С. Препарирование института субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника](#)

Газета "ЭЖ-Юрист"

Май

[Шестакова М. С должника нельзя взыскать проценты, начисленные в подмораторный период, даже если долг возник до введения моратория](#)

[Шестакова М. Масштабная реформа института банкротства: отказ от реабилитационных процедур и баллы для арбитражных управляющих](#)

[Пешкова Е. Погашение требований в ходе банкротства: как действовать кредитору, чтобы получить денежные средства из конкурсной массы](#)

Июнь

[Шестакова М. КС РФ высказался о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц исключенной из ЕГРЮЛ компании](#)

[Шестакова М. ВС РФ разъяснил, можно ли попасть в реестр требований кредиторов при пропуске срока из-за нескольких передач иска по подсудности](#)

[Венгерский Д. Требования аффилированных кредиторов: особенности рассмотрения и условия удовлетворения наравне с требованиями независимых кредиторов](#)

[Шестакова М. ВС РФ разъяснил, когда начинает течь срок исковой давности по требованиям конкурсных управляющих.](#)

3. Блоги

[Андреев М. «Дамоклов меч» арбитражного управляющего // Разбор судебной практики по отступлению от очередности погашения текущих платежей](#)

[Борейшо Д. Субсидиарная ответственность за недокапитализацию компании // Презентация](#)

[Будылин С. Торжества и аресты. «Арестный залог» в мегапроекте о банкротстве](#)

[Будылин С. Единственное жильё при банкротстве: конец иммунитета?](#)

[Будылин С. Покер в Вавилоне-4. Назначение арбитражного управляющего в новой редакции законопроекта о банкротстве](#)

[Возврат права собственности привязывают к владению // Верховный суд решит, когда продавец при расторжении договора получает обратно право на товар](#)

[Директоров убыточных предприятий защитили от субсидиарной ответственности // Дело о банкротстве управляющей компании «Спектр»](#)

[Домино И. Противодействие жалобам на арбитражного управляющего через взыскание убытков с их подателей](#)

[Домино И. Раскрытие персональных данных при проведении торгов в банкротстве](#)

[Едиственное жилье не спрячет недобросовестных должников // Кейс месяца по банкротству](#)
Жужжалов М. [Определение СКЭС от 27.05.2021 но. 310-ЭС21-1061: изъятие вещи у законного владельца ради кредиторов собственника по записи](#)

Захаров В. [Кто последний? К вопросу о количестве очередей в деле о банкротстве](#)
[Изменения дали зеленый свет // Законопроект о масштабной реформе банкротства внесен в Государственную думу](#)

Коняев И. [Апокалипсис страхования ответственности арбитражных управляющих](#)
Малютин А. [Об оспаривании сделок по выплате дивидендов акционерам публичной компании](#)
Морев Д. [Оспаривание сделок в процедуре банкротства // Поиск оптимального алгоритма](#)
Морев Д. [Субсидиарная ответственность в практике арбитражных судов // Социология от дилетанта](#)
Морев Д. [Процедура наблюдения в банкротстве - начало, которое определяет результат // Стратегия кредиторов в борьбе за активы](#)

Морев Д. [Банкротную сферу ждут серьезные изменения - и дело совсем не в новом законе // Близится очередной перелом в сфере несостоятельности \(пожалуй и во всем предпринимательском секторе\)](#)

Морев Д. [Разрыв шаблона // Неординарный спор о субсидиарной ответственности](#)
Мыкольников А. [О взыскании реституционных убытков в банкротстве](#)
Савченко Д. [Арбитражный управляющий - казнить нельзя помиловать](#)
Садыкова Д. [Как противостоять аффилированным кредиторам: экстраординарное обжалование в банкротстве](#)

Салмаков Д. [Правовая позиция ВС РФ об отсутствующем должнике](#)
Салмаков Д. [Верховный Суд РФ продолжает развитие теории сальдирования](#)
Свалова Н. [Рассмотрение требований кредиторов в упрощенном порядке](#)
Суворов Д. [Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации за апрель-май 2021](#)
[У граждан обнаружили контролирующие лица // ВС решит, можно ли субординировать требования к физлицам](#)

Улезко А. [Что для всех субсидиарная ответственность, то для МУП - специфика деятельности](#)
Шайдуллин А. [Конкурс научных исследований по банкротному праву «Lex concursus» \(организаторы — «Вестник экономического правосудия», «М-Логос» и Банкротный Клуб; партнёр - магист. прогр. СПбГУ «Банкротное право»\)](#)

Юзвак М. [Упрощенное банкротство малоимущих граждан](#)

4. Заседания Банкротного клуба.

[Заседание Банкротного клуба от 28.05.2021 г.](#)

Повестка:

1. Залог векселей должника как форма договорной субординации: определение СКЭС ВС № 308-ЭС19-17398 от 21.05.2020 года (дело Балтика).

Докладчик — Кононов Давид, к.ю.н, руководитель практики «Сопровождение процедур банкротства и Антикризисный консалтинг» Юридическая компания Лемчик, Крупский и партнеры.

2. Требования контрагентов по сделкам, признанными недействительными в делах о банкротстве: определение СКЭС ВС № 305-ЭС16-20847 от 29.03.2021 года.
Докладчик — Чутков Павел, старший преподаватель кафедры гражданского права Кемеровского государственного университета.

3. Уплата налога на имущество при реализации залога в банкротстве: определение СКЭС ВС № 305-ЭС20-20287 от 01.04.2021 года. (дело Риал Эстейт Менеджмент).
Докладчик — @efremovlaw (Владимир Ефремов), адвокат, партнёр ЮФ Арбитраж.ру.

Ответственный

редактор Дайджеста:

Юрий Сбитнев,

адвокат, магистр частного
права (РШЧП), партнер
Адвокатского бюро
"Эксиора" город Москва

Редакторы:

Гульнара Исмаилова

(юрист-эксперт, редактор портала Закон.ру)

Дарья Нюхалкина

(адвокат, АБ "Эксиора")

Подписаться на регулярное получение Дайджеста можно [здесь](#)

С предыдущими выпусками Дайджеста можно ознакомиться [здесь](#).

Отписаться от получения данной рассылки можно [здесь](#)

Контактная информация:

Юридический институт "М-Логос"

<http://www.m-logos.ru>

E-Mail: digest@m-logos.ru

Тел. +7 (495) 771-59-27

Адвокатское бюро "Эксиора"

<http://exiora.ru>

E-Mail: info@exiora.ru

Тел.+7 (495) 762-62-44